Chernyshevskii, N.G.

Aleksandr Sergieevich Pushkin.

THE HOOVER LIBRARY
ON
WAR, REVOLUTION, AND PEACE

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ

ПУШКИНЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ

Съ портретомъ А. С. Пушкина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1856

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ. 21 августа 1856 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

Въ типографіи Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества по Военно-Учебнымъ Заведеніямъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ настоящей книгѣ взрослый читатель не найдетъ для себя ничего новаго о Пушкинѣ. Ея цѣль — служить для юношества началомъ знакомства съ великимъ русскимъ поэтомъ. Съ этою цѣлію въ ней разсказана а) жизнь поэта, по существующимъ нынѣ печатнымъ матеріаламъ, при чемъ составитель отдавалъ предпочтеніе фактамъ, рельефно представляющимъ трудолюбивую, благородную и могучую личность Пушкина; б) представленъ краткій очеркъ произведеній Пушкина и в) помѣщено въ «Приложеніи» нѣсколько мелкихъ

ГЛАВА I.

Значеніе словъ «великій поэтъ». — Кто имѣетъ право быть названъ образованнымъ человѣкомъ. — Общее значеніе литературы въ дѣлѣ образованія и изящной въ особенности. — Мѣсто, занимаемое Пушкинымъ въ нашей изящной литературѣ.

«Пушкинъ — великій поэтъ», говоритъ каждый изъ насъ, и эти слова такъ важны, что надобно постараться какъ можно лучше вникнуть въ смыслъ ихъ и объяснить себѣ: что такое значитъ «великій поэтъ»? почему великіе поэты пользуются общимъ глубокимъ уваженіемъ? и почему Пушкина всѣ считаютъ великимъ поэтомъ?

Объяснивъ себѣ это, мы увидимъ, какъ необходимо каждому изъ насъ ближе познакомиться съ жизнью Пушкина и его сочиненіями.

Не нужно доказывать, что образованіе — самое великое благо для человѣка. Безъ образованія люди и грубы, и бѣдны, и несчастны. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить разсказы путешественниковъ о дикаряхъ. Краснокожіе индѣйцы жили и отчасти еще живутъ въ тѣхъ же самыхъ земляхъ, которыя заняты теперь Сѣверо-Американскими Штатами: посмотрите же, какая разница между краснокожими, малочисленными, нуждающимися во всемъ необходимомъ для жизни, и многочисленными, богатыми, имѣющими все въ изобиліи сѣверо-американцами! И отчего вся эта разница? Только оттого, что сѣверо-американцы — народъ образованный, а краснокожіе туземцы — дикари. Другой примѣръ, болѣе близкій къ намъ: Россія теперь государство могущественное и богатое, потому что русскіе, благодаря Петру Великому, стали народомъ образованнымъ; а всего только пятьсотъ лѣтъ тому назадъ, русскіе были угнетаемы и раззоряемы татарами, потому что были еще мало образованы.

Но не довольно того, что просвѣщеніе приноситъ народу и благосостояніе и могущество: оно доставляетъ человѣку такое душевное наслажденіе, съ которымъ ничто не можетъ сравниться. Каждый

образованный человѣкъ чувствуетъ это и всегда скажетъ, что безъ образованія жизнь его была бы очень скучна и жалка.

Теперь будетъ совершенно ясно, какъ важна для всеобщаго блага литература, если мы скажемъ, что изъ всѣхъ средствъ для распространенія образованности самое сильное — литература. Народъ, у котораго нѣтъ литературы, грубъ и невѣжественъ; чѣмъ болѣе усиливается и совершенствуется, или, какъ принято говорить, развивается литература, тѣмъ образованнѣе и лучше становится народъ.

Образованнымъ человѣкомъ называется тотъ, кто пріобрѣлъ много знаній и, кромѣ того, привыкъ быстро и вѣрно соображать, что̀ хорошо и что̀ дурно, что̀ справедливо и что̀ несправедливо, или, какъ выражаются однимъ словомъ, привыкъ «мыслить», и, наконецъ, у кого понятія и чувства получили благородное и возвышенное направленіе, то есть пріобрѣли сильную любовь ко всему доброму и прекрасному. Всѣ эти три качества — обширныя знанія, привычка мыслить и благородство чувствъ — необходимы для того, чтобы человѣкъ былъ образованнымъ въ полномъ смыслѣ слова. У кого мало познаній, тотъ невѣжда; у кого умъ не привыкъ

мыслить, тотъ грубъ или тупоуменъ; у кого нѣтъ благородныхъ чувствъ, тотъ человѣкъ дурной.

Въ дѣтствѣ, въ первую пору молодости, человѣкъ учится въ школахъ: уроки наставниковъ имѣютъ ту цѣль, чтобы сдѣлать юношу образованнымъ человѣкомъ. Но когда онъ выходитъ изъ школы, перестаетъ учиться, его образованіе поддерживается и совершенствуется чтеніемъ, то есть, вмѣсто прежнихъ наставниковъ, которыхъ слушалъ мальчикъ и юноша, взрослый человѣкъ имѣетъ одну наставницу — литературу.

Чтобъ исполнить, какъ должно, свою великую обязанность — быть руководительницею людей на пути образованія, литература, какъ мы уже знаемъ, должна давать ему различныя знанія, развивать въ немъ привычку мыслить и поддерживать въ немъ любовь ко всему прекрасному и доброму. Каждая хорошая книга до нѣкоторой степени исполняетъ всѣ эти условія; но нѣкоторыя книги имѣютъ главною своею цѣлью сообщать уму читателя различныя познанія — это книги, принадлежащія къ такъ называемой ученой литературѣ, напримѣръ, сочиненія по исторіи, по естественнымъ наукамъ и пр.; другія книги пишутся съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы дѣйствовать главнымъ образомъ на воображеніе и

сердце читателя, возбуждая въ немъ сочувствіе къ доброму и прекрасному — это книги, принадлежащія къ такъ называемой изящной литературѣ. Между полезными дѣйствіями, какія производятъ на читателя книги того и другаго рода, есть очень много общаго; особенно сходны всѣ хорошія книги въ томъ, что непремѣнно возбуждаютъ въ читателѣ желаніе думать о томъ, что справедливо, прекрасно и полезно для людей. Сходны онѣ между собою и въ томъ, что хорошая ученая книга, дѣйствуя болѣе всего на умъ, дѣйствуетъ также и на сердце; а произведенія изящной литературы, преимущественно обращаясь къ сердцу читателя, въ то же время не остаются безполезны и для его ума, которому сообщаютъ вѣрныя понятія о человѣческой жизни. Но, несмотря на это значительное сходство, изящная литература очень рѣзко отличается отъ ученой. Одну сторону этого различія мы уже знаемъ: главная цѣль ученыхъ сочиненій, какъ мы сказали, та, чтобы сообщать точныя свѣдѣнія по какой нибудь наукѣ, а сущность произведеній изящной словесности—въ томъ, что они дѣйствуютъ на воображеніе и должны возбуждать въ читателѣ благородныя понятія и чувства. Другое различіе состоитъ въ томъ, что въ ученыхъ сочиненіяхъ излагаются со-

бытія, происходившія на самомъ дѣлѣ, и описываются предметы, также на самомъ дѣлѣ существующіе или существовавшіе; а произведенія изящной словесности описываютъ и разсказываютъ намъ въ живыхъ примѣрахъ, какъ чувствуютъ и какъ поступаютъ люди въ различныхъ обстоятельствахъ, и примѣры эти большею частію создаются воображеніемъ самого писателя. Коротко можно выразить это различіе въ слѣдующихъ словахъ: ученое сочиненіе разсказываетъ, что именно было или есть, а произведеніе изящной литературы разсказываетъ, какъ всегда или обыкновенно бываетъ на свѣтѣ.

Довольно намъ и этихъ двухъ замѣчаній, чтобы видѣть, до какой степени изящная литература различна отъ ученой, хотя есть у нихъ и много общаго.

Можно теперь спросить: которая же изъ двухъ отраслей литературы важнѣе? которая больше приноситъ пользы людямъ? которая больше содѣйствуетъ распространенію и усовершенствованію просвѣщенія? На это образованный человѣкъ будетъ отвѣчать: обѣ онѣ равно важны, равно полезны людямъ. Ученая литература спасаетъ людей отъ невѣжества, а изящная—отъ грубости и пошлости; то и другое дѣло одинаково благотворны и необхо-

димы для истиннаго просвѣщенія и для счастія людей.

Теперь надобно только сказать, что хорошіе писатели по части изящной литературы называются поэтами, и мы поймемъ, какой высокій смыслъ заключается въ этомъ словѣ. Поэты — руководители людей къ благородному понятію о жизни и къ благородному образу чувствъ: читая ихъ произведенія, мы пріучаемся отвращаться отъ всего пошлаго и дурнаго, понимать очаровательность всего добраго и прекраснаго, любить все благородное; читая ихъ, мы сами дѣлаемся лучше, добрѣе, благороднѣе. (*)

И если Пушкинъ, въ самомъ дѣлѣ, великій поэтъ, то нельзя не согласиться, что онъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые сдѣлали наиболѣе добра своимъ соотечественникамъ, одинъ изъ тѣхъ людей, кото-

(*) Прежде называли поэтами только стихотворцевъ, а поэзіею только одни стихи. Теперь поняли, что поэтическими произведеніями должно называть всѣ хорошія сочиненія по части изящной литературы, все равно, стихами ли они писаны, или прозою. Впрочемъ, до сихъ поръ «поэтами» называютъ въ особенности тѣхъ писателей, у которыхъ особенно много или воображенія, или задушевной теплоты; тѣ произведенія изящной словесности, въ которыхъ холодный разсудокъ преобладаетъ надъ воображеніемъ и теплотою чувства, не принято называть «поэтическими».

рыхъ каждый русскій наиболѣе обязанъ уважать и любить.

Это, въ самомъ дѣлѣ, такъ. Мы знаемъ теперь, что отъ литературы очень много зависитъ просвѣщеніе народа, и что безъ просвѣщенія нѣтъ для людей истиннаго счастія; намъ надобно только узнать, какое важпое мѣсто въ нашей изящной литературѣ занимаетъ Пушкинъ и какъ многимъ она ему обязана, — и мы увидимъ, что его, по всей справедливости, надобно называть великимъ поэтомъ, и что каждый изъ насъ долженъ почитать его человѣкомъ, сдѣлавшимъ очень много добра нашей родинѣ.

Изящная литература появилась у насъ лѣтъ за восемьдесять до Пушкина, вскорѣ послѣ благодѣтельныхъ преобразованій Петра Великаго, познакомившаго русскихъ съ просвѣщенными народами.(*). Но извѣстно, что почти каждое дѣло достигаетъ своей настоящей важности медленно. То, что оказывается очень важно впослѣдствіи, сначала бываетъ маловажно. Такъ было и съ нашей словесностью. Число людей, привыкшихъ къ чтенію, было въ то время очень мало, да и людей, знав-

(*) Первая ода Ломоносова, котораго обыкновенно называютъ отцомъ нашей изящной словесности, была написана въ 1739 г.

шихъ грамоту, было немного. Главная заслуга Ломоносова и писателей, слѣдовавшихъ за нимъ до начала нынѣшняго вѣка, состояла въ томъ, что они своими произведеніями возбуждали охоту къ чтенію и мало по малу увеличивали число людей, интересующихся литературою. Изъ этихъ писателей, о которыхъ мы всегда должны вспомнить съ особеннымъ уваженіемъ, самыми замѣчательными, послѣ Ломоносова, были Державинъ, фонъ-Визинъ и Карамзинъ. Не менѣе пользы принесъ литературѣ Новиковъ, хотя не былъ знаменитъ, какъ писатель. Державинъ славился своими стихотвореніями (одами), фонъ-Визинъ написалъ двѣ прекрасныя комедіи («Бригадиръ» и «Недоросль»). Новиковъ чрезвычайно много и успѣшно заботился объ увеличеніи числа книгъ и распространеніи круга читателей въ Россіи: благодаря его безкорыстнымъ усиліямъ, было издано въ пять или шесть лѣтъ болѣе книгъ, нежели прежде было напечатано въ пятьдесятъ; наконецъ, одинъ изъ молодыхъ людей, которымъ покровительствовалъ Новиковъ въ началѣ ихъ литературнаго поприща, обнаружилъ очень замѣчательный талантъ. Это былъ Карамзинъ, послѣ Ломоносова второй основатель нашей изящной литературы. Его произведенія, написанныя очень хоро-

шимъ и легкимъ языкомъ, читались съ такимъ удовольствіемъ, какого прежде не возбуждали прозаическія сочиненія. Трудами этихъ людей образовалась въ Россіи «публика», то есть нѣкоторая часть русскаго народа получила привычку находить въ чтеніи наслажденіе, безъ котораго уже не могла обходиться. Тогда явился Жуковскій, который пріобрѣлъ славу прекрасными переводами англійскихъ и нѣмецкихъ стихотвореній, особенно переводами многихъ произведеній великаго нѣмецкаго поэта Шиллера.

Таково было положеніе русской литературы, когда началъ писать Пушкинъ. Публика уже существовала въ Россіи, но была еще немногочисленна; между писателями считалось нѣсколько людей съ замѣчательнымъ талантомъ, но не было еще такого генія, который приводилъ бы читателей въ восторгъ, который показалъ бы русской публикѣ поэзію во всей ея очаровательной красотѣ. Это сдѣлалъ Пушкинъ. И прежде него существовали на русскомъ языкѣ хорошіе стихи; но когда явились произведенія Пушкина, всѣ увидѣли, что еще не имѣли понятія о томъ, какъ прекрасны могутъ быть русскіе стихи. Въ самомъ дѣлѣ, до Пушкина еще никто не писалъ такимъ легкимъ и живымъ язы-

комъ, въ которомъ соединялись и простота и поэтическая прелесть; еще никто не умѣлъ придавать русскому стиху столько точности, выразительности и красоты. Всѣ эти качества, въ которыхъ состоитъ такъ называемое «художественное совершенство» пушкинскаго стиха, очаровали публику и привлекли къ чтенію тысячи людей, которые прежде не имѣли привычки читать. Такимъ образомъ, число людей, составляющихъ публику — иначе сказать, число образованныхъ людей въ Россіи — чрезвычайно увеличилось, благодаря превосходнымъ произведеніямъ геніальнаго поэта. Но этимъ не ограничиваются заслуги Пушкина. Сначала болѣе всего поражены были читатели тѣми художественными достоинствами его стихотвореній и поэмъ, о которыхъ мы уже сказали. Но мало по малу всѣ начали увлекаться и другимъ качествомъ этихъ произведеній. Это важнѣйшее качество состояло въ томъ, что Пушкинъ первый сталъ описывать русскіе нравы и жизнь различныхъ сословій русскаго народа съ удивительною вѣрностью и проницательностью. До него почти не имѣли объ этомъ понятія. Прежніе писатели рѣдко избирали предметомъ своихъ разсказовъ русскую жизнь, а если и дѣлали это, то описывали ее неточно и неестественно. Исключеніемъ изъ этого

можно назвать почти только однѣ комедіи фонъ-Визина и басни Крылова. Но фонъ-Визинъ не могъ увлечь за собою другихъ писателей и былъ почти забытъ въ то время, когда явился Пушкинъ. Басни Крылова также не имѣли большаго вліянія на литературу, потому что басня вообще никогда не пріобрѣтаетъ господства надъ другими, болѣе значительными отраслями поэзіи. Такимъ образомъ, несмотря на примѣры, поданные фонъ-Визинымъ и Крыловымъ, въ произведеніяхъ почти всѣхъ остальныхъ тогдашнихъ писателей было очень мало близкаго къ русскому обществу; потому и литература вообще возбуждала мало сочувствія въ обществѣ, которое не находило въ ней почти ничего такого, что живымъ образомъ интересовало бы русскаго человѣка. (*) Теперь не то: если хорошія книги являются все еще не очень часто, можно сказать, рѣдко, зато каждая изъ нихъ возбуждаетъ въ тысячахъ,

(*) Не надобно забывать, что мы говоримъ собственно только объ изящной литературѣ. Въ числѣ ученыхъ сочиненій всегда были книги очень интересныя. Но кругъ публики, читающей ученыя книги, всегда бываетъ гораздо малочисленнѣе той публики, которая читаетъ почти исключительно только произведенія изящной словесности; изящная словесность, между прочимъ, необыкновенно важна и потому, что именно она привлекаетъ къ чтенію и распространяетъ въ обществѣ любовь къ книгамъ, т. е. къ просвѣщенію.

въ десяткахъ тысячъ людей самое живое участіе. Припомните, напримѣръ, какой сильный интересъ во всемъ обществѣ обнаружился недавно по случаю новыхъ изданій Гоголя и самого Пушкина: каждый человѣкъ, котораго вы встрѣчали въ обществѣ, говорилъ о появленіи этихъ книгъ съ такимъ жаромъ, съ такою любовью, съ такою радостью, какъ будто дѣло лично касалось его самого. И, дѣйствительно, оно касалось каждаго изъ насъ, потому что мы всѣ находимъ высокое наслажденіе и большую пользу въ чтеніи подобныхъ книгъ, говорящихъ о предметахъ, важныхъ каждому образованному русскому. Этимъ распространеніемъ сочувствія къ литературѣ общество наше обязано Пушкину болѣе, нежели кому нибудь. До него книги интересовали изъ десяти человѣкъ одного; нынѣ изъ десяти человѣкъ развѣ одинъ какой нибудь полуневѣжда не интересуется литературою (*).

(*) Вскорѣ послѣ того, какъ явились первыя поэмы Пушкина, сдѣлалась извѣстною значительной части публики превосходная комедія Грибоѣдова «Горе отъ Ума», и Грибоѣдовъ долженъ раздѣлять съ Пушкинымъ славу преобразователя литературы. Но, несмотря на всю любовь къ благородному автору этой комедіи, несмотря на всѣ великія достоинства ея, надобно сказать, что для исторіи нашей литературы и образованія русской публики Пушкинъ еще важнѣе, нежели Грибоѣдовъ; потому что Грибоѣдовъ послѣ «Горя отъ Ума» не написалъ ничего, а чтобы имѣть дѣйствіе на публику и литературу, дѣятельность писателя должна быть продолжительна и сочиненія его довольно многочисленны.

Вліяніе Пушкина на литературу было такъ же сильно, какъ и впечатлѣніе, произведенное имъ въ публикѣ. До него, какъ мы сказали, наши поэты писали по бо́льшей части о предметахъ, не интересныхъ для русскаго читателя. Послѣ него всѣ талантливые литераторы начали писать въ такомъ же родѣ, какъ и онъ, т. е. говорить бо́льшею частію о предметахъ, которые близко касаются насъ самихъ и представляютъ большую занимательность для образованнаго русскаго человѣка.

Такимъ образомъ, Пушкинъ произвелъ своими сочиненіями въ нашей литературѣ важное измѣненіе къ лучшему, значительно увеличилъ число любящихъ литературу, то есть образованныхъ людей въ Россіи, и, кромѣ этихъ великихъ услугъ нашему обществу, доставилъ русской публикѣ очаровательною прелестью своихъ произведеній высокія поэтическія, то есть благородныя, наслажденія. Ко всему этому надобно еще прибавить, что онъ первый научилъ русское общество такъ уважать литературу и талантливыхъ писателей, какъ уважаемъ мы ихъ теперь. И прежде нѣкоторые писатели пользовались въ обществѣ большимъ почтеніемъ — напримѣръ, Державинъ и Карамзинъ—но, вообще говоря, публика смотрѣла на нихъ съ уваженіемъ не столь-

ко потому, что сама чувствовала, какой сильной любви и признательности заслуживаетъ хорошій писатель, сколько потому, что видѣла милости, которыя оказываются Державину и Карамзину. Но Пушкина каждый русскій читатель самъ любилъ и уважалъ въ глубинѣ своего сердца, и каждый зналъ, за что его уважаетъ — за то, что Пушкинъ великій поэтъ; и тутъ каждый понялъ то, чего не понималъ прежде — понялъ, что великій поэтъ и вообще великій писатель есть человѣкъ, оказывающій большую услугу, дѣлающій много добра своей родинѣ, понялъ, что литература есть дѣло очень важное, полезное, заслуживающее величайшаго уваженія.

Вотъ какъ велика была польза, принесенная Пушкинымъ русской литературѣ и публикѣ: онъ научилъ публику любить и уважать литературу, возбудилъ сильный интересъ къ ней въ обществѣ, научилъ литераторовъ писать о томъ, что занимательно и полезно для русскихъ читателей. Потому-то и справедливо считаютъ его первымъ истинно великимъ русскимъ поэтомъ, потому-то ни одинъ образованный русскій человѣкъ не можетъ произносить его имени безъ глубокаго почтенія, безъ живой признательности.

ГЛАВА II.

Рожденіе А. С. Пушкина. — Его фамильная гордость. — Родъ Пушкиныхъ и Ганнибаловыхъ. — Историческая дѣятельность тѣхъ и другихъ. — Сергѣй Львовичъ, отецъ поэта. — Василій Львовичъ, дядя поэта. — Бесѣда Любителей Русскаго Слова и Арзамасъ. — Комическое посвященіе Василья Львовича въ арзамасцы. — Марья Алексѣевна Ганнибалъ, бабушка поэта. — Ольга Сергѣевна, сестра Пушкина, и посланіе къ ней четырнадцатилѣтняго поэта. — Арина Радіоновна, няня А. С. Пушкина. — Ея вліяніе на питомца.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ родился въ Москвѣ, 26 мая 1799 года.

Онъ чрезвычайно гордился тѣмъ, что происходитъ отъ фамилій, игравшихъ довольно значительную роль въ нашей исторіи, и дорожилъ памятью своихъ предковъ. Чувство это отразилось на мно-

гихъ его произведеніяхъ, и если мы не будемъ знать фамильныхъ воспоминаній, которыми онъ гордился, то многое въ его сочиненіяхъ останется для насъ темнымъ. Просмотримъ же, хотя кратко, что намъ извѣстно о предкахъ Пушкина.

Родъ Пушкиныхъ, не принадлежа къ числу особенно знатныхъ или могущественныхъ, съ конца XVII вѣка состоялъ на службѣ при дворѣ московскихъ царей, и нѣкоторые члены его успѣвали достигать почетныхъ званій. Трое изъ нихъ были даже боярами—санъ, который по своей важности можетъ быть сравненъ съ нынѣшними чинами полнаго генерала или дѣйств. тайнаго совѣтн. Гаврила Григорьевичъ Пушкинъ (въ началѣ XVII вѣка) извѣстенъ тѣмъ, что одинъ изъ первыхъ между тогдашними сановниками перешелъ на сторону Лжедимитрія, и нашъ поэтъ далъ своему предку значительную роль въ исторической трагедіи «Борисъ Годуновъ».

Гораздо чаще, нежели о предкахъ по отцовской линіи, Пушкинъ упоминаетъ о предкахъ своихъ со стороны матери, Ганнибаловыхъ. Родоначальникомъ этой фамиліи былъ негръ Ганнибалъ, любимецъ Петра Великаго. Пушкинъ заботливо собиралъ всѣ свѣдѣнія о жизни этого Ганнибала и хотѣлъ написать полную его біографію, но не ус-

пѣлъ исполнить своего намѣренія и оставилъ намъ только нѣсколько строкъ о Ганнибалѣ, въ статьѣ «Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловыхъ.»

«Дѣдъ моей матери—говоритъ Пушкинъ —былъ «негръ, сынъ владѣтельнаго князька. Русскій «посланникъ въ Константинополѣ какъ-то дос«талъ его изъ сераля, гдѣ содержался онъ ама«натомъ, и отослалъ его Петру Великому, вмѣстѣ «съ двумя другими арапчатами. Государь крестилъ «маленькаго Ибрагима въ Вильнѣ, въ 1707 году, «съ польскою королевою, супругою Августа, и «далъ ему фамилію Ганнибалъ. Въ крещеніи наи«менованъ онъ былъ Петромъ; но какъ онъ пла«калъ и не хотѣлъ носить новаго имени, то до са«мой смерти назывался Абрамомъ. Старшій братъ «его пріѣзжалъ въ Петербургъ, предлагая за него «выкупъ; но Петръ оставилъ при себѣ своего крест«ника. До 1716 года Ганнибалъ находился не«отлучно при особѣ Государя, спалъ въ его токар«нѣ, сопровождалъ его во всѣхъ походахъ; потомъ «посланъ былъ въ Парижъ, гдѣ нѣсколько времени «обучался въ военномъ училищѣ, вступилъ во «французскую службу; во время испанской войны «былъ раненъ въ голову и возвратился въ Парижъ, «гдѣ долгое время жилъ въ разсѣяніи большаго

«свѣта. Петръ Первый неоднократно призывалъ «его къ себѣ; но Ганнибалъ не торопился, отговаривась подъ разными предлогами. Наконецъ Государь написалъ ему, что онъ неволить его не намѣренъ, что предоставляетъ его доброй волѣ возвратиться въ Россію или оставаться во Франціи, «но что, во всякомъ случаѣ, онъ никогда не оставитъ своего прежняго питомца. Тронутый Ганнибалъ немедленно отправился въ Петербургъ. Государь выѣхалъ къ нему навстрѣчу и благословилъ «образомъ Петра и Павла, который хранился у его «сыновей, но котораго я не могъ уже отъискать.» На этихъ историческихъ данныхъ основанъ превосходный разсказъ, которымъ начинается неоконченный романъ Пушкина: «Арапъ Петра Великаго». Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ романа, въ которомъ, судя по началу, Пушкинъ превосходно изобразилъ бы эпоху Петра Великаго, былъ избранъ Ганнибалъ. У Абрама Петровича было два сына. Старшій, Иванъ Абрамовичъ, извѣстенъ тѣмъ, что въ царствованіе Екатерины II участвовалъ въ первой турецкой войнѣ, находясь на флотѣ, дѣйствовавшемъ въ Средиземномъ морѣ; между прочимъ, Иванъ Петровичъ отличился мужествомъ въ Чесменской битвѣ, гдѣ сожженъ турецкій флотъ, и, въ 1770

году, взялъ Наваринъ. Пушкинъ часто упоминаетъ о немъ въ своихъ стихахъ,—напримѣръ, въ слѣдующей замѣткѣ, которая одна была бы достаточна для того, чтобы сдѣлать безсмертными имена Абрама Петровича и Ивана Абрамовича:

«Гдѣ то было сказано, что прадѣдъ мой Абрамъ «Петровичъ Ганнибалъ, крестникъ и воспитан«никъ Петра Великаго, генералъ-аншефъ, отецъ «Ганнибала, покорившаго Наваринъ, былъ купленъ «шкиперомъ.... Прадѣдъ мой если былъ купленъ, «то.... достался шкиперу, коего имя всякій рус«скій произноситъ не всуе:

Сей шкиперъ былъ тотъ шкиперъ славный,
Кѣмъ наша двинулась земля,
Кто придалъ мощно бѣгъ державный
Кормѣ роднаго корабля.
Сей шкиперъ дѣду былъ доступенъ,
И сходно купленный арапъ
Возросъ усерденъ, неподкупенъ,
Царя наперсникъ, а не рабъ.
И былъ отецъ онъ Ганнибала,
Предъ кѣмъ, средь гибельныхъ пучинъ,
Громада кораблей вспылала
И палъ впервые Наваринъ!

Братъ наваринскаго героя, младшій сынъ «Арапа Петра Великаго», Осипъ Абрамовичъ Ганни-

балъ, былъ отецъ матери Пушкина, Надежды Осиповны. Южная живость характера была наслѣдована Пушкинымъ отъ своего прадѣда-африканца; даже черты его лица и курчавые волосы напоминали африканскій типъ его прадѣда по матери.

Не зная этихъ подробностей, легко можно вообразить, что предки Пушкина играли необыкновенно важную роль въ русской исторіи: такъ любитъ говорить о нихъ нашъ поэтъ и такъ искусно намекаетъ о ихъ участіи въ важнѣйшихъ событіяхъ отечественной исторіи. На самомъ же дѣлѣ родъ Пушкиныхъ принадлежалъ къ числу довольно старинныхъ фамилій, но важнаго мѣста въ государствѣ никогда не занималъ и славою своею обязанъ только таланту Александра Сергѣевича Пушкина. Что касается до Абрама Петровича Ганнибала, то онъ былъ любимъ Петромъ Великимъ, какъ крестникъ, но также не пользовался вліяніемъ на государственныя дѣла; Иванъ Абрамовичъ, сынъ его, былъ, какъ видимъ, храбрымъ генераломъ, но сражался находясь подъ начальствомъ другихъ и не занималъ никогда мѣста съ самостоятельною властью. Обоихъ этихъ людей мы знаемъ также преимущественно потому только, что о нихъ упоминаетъ Пушкинъ, а не потому, чтобы они замѣтнымъ образомъ участво-

вали въ историческихъ событіяхъ. Познакомясь съ предками Пушкина, перейдемъ къ ближайшимъ его родственникамъ.

Сергѣй Львовичъ Пушкинъ, отецъ поэта, сначала служилъ въ гвардейскомъ Измайловскомъ полку, но вскорѣ послѣ женитьбы вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ, откуда на лѣто все семейство уѣзжало въ свою подмосковную деревню, Захарьино. Богатый и гостепріимный домъ Сергѣя Львовича былъ часто посѣщаемъ лучшими тогдашними писателями, потому что хозяинъ былъ человѣкъ образованный и любившій литературу, особенно, по обычаю того вѣка, французскую. Сергѣй Львовичъ даже сочинялъ французскіе стихи, легкіе и остроумные. Самыми частыми гостями его бывали Карамзинъ и Дмитріевъ; Жуковскій и Батюшковъ также посѣщали его. Александръ Сергѣевичъ былъ еще такъ молодъ въ то время, что этимъ бесѣдамъ въ домѣ его отца нельзя приписыватъ особеннаго вліянія на развитіе его ума или таланта; но важно то обстоятельство, что съ самаго малолѣтства онъ былъ въ литературномъ кругу. Разсказываютъ, между прочимъ, что однажды, оставивъ дѣтскія игры, ребенокъ съ необыкновеннымъ вниманіемъ слушалъ *разсказы* Карамзина; съ такимъ же вниманіемъ слу-

шалъ онъ иногда Дмитріева, читавшаго свои басни. Подражая примѣру отца, девятилѣтній Александръ Сергѣевичъ уже самъ писалъ небольшія французскія стихотворенія.

Братъ Сергѣя Львовича, Василій Львовичъ, также отчасти способствовалъ развитію склонности къ литературнымъ занятіямъ въ своемъ племянникѣ. Василій Львовичъ считался въ свое время довольно хорошимъ поэтомъ и, радуясь тому, что ребенокъ выучилъ наизустъ нѣсколько его стихотвореній, твердилъ ему, чтобъ онъ читалъ русскихъ поэтовъ. Сближеніе между дядею и племянникомъ было тѣмъ легче, что Василій Львовичъ отличался чрезвычайнымъ простодушіемъ, о которомъ сохранилось много анекдотовъ. Изъ нихъ мы разскажемъ одинъ, довольно забавный и хорошо показывающій разницу между тогдашнимъ и нынѣшнимъ временемъ,—разницу, которая произведена талантомъ Пушкина.

До появленія Пушкина число людей, занимавшихся у насъ литературою, было не велико; немногочисленна была и публика, интересовавшаяся ихъ произведеніями. При такихъ обстоятельствахъ, любовь къ своему дѣлу охладѣла бы въ большей части писателей, еслибъ они не ободряли и не возбуждали другъ друга, соединяясь въ тѣсные пріятель-

скіе кружки, которые назывались «литературными обществами». Въ началѣ нынѣшняго вѣка въ Петербургѣ было два главныхъ литературныхъ общества: «Бесѣда Любителей Русскаго Слова», состоявшая по бо́льшей части изъ людей, не одаренныхъ талантомъ или уже ослабѣвавшихъ отъ старости, и «Арзамасъ», — общество, составившееся изъ молодыхъ и даровитыхъ литераторовъ, которые хотѣли защищать отъ нападеній «Бесѣды» Карамзина и Жуковскаго. Члены «Бесѣды», привыкнувъ къ старинному слогу, не ободряли ни новаго прозаическаго слога, введеннаго Карамзинымъ, ни превосходныхъ произведеній Жуковскаго, который прекрасными стихами переводилъ стихотворенія Шиллера и другихъ нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ. «Арзамасомъ» это общество назвалось потому, что поводомъ къ его основанію былъ шутливый разсказъ, въ которомъ осмѣивался устарѣлый языкъ нѣкоторыхъ литераторовъ: разсказчикъ говорилъ, будто бы однажды, будучи, проѣздомъ, въ Арзамасѣ и обѣдая въ тамошней гостинницѣ, онъ подслушалъ, какъ въ сосѣдней комнатѣ другой проѣзжій разговаривалъ самъ съ собою, употребляя выраженія, вычитанныя изъ нѣкоторыхъ тогдашнихъ книгъ и журналовъ: эти смѣшныя или нелѣпыя фразы были выписаны

авторомъ разсказа изъ сочиненій писателей, мнѣнія которыхъ онъ хотѣлъ представить въ смѣшномъ видѣ. Въ числѣ главныхъ членовъ арзамасскаго общества были Жуковскій, графъ Уваровъ (впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія) и проч.

Василью Львовичу, который въ то время уже не былъ молодымъ человѣкомъ, но любилъ молодежь, очень хотѣлось попасть въ арзамасское общество. Члены его, хотя и были пріятели Василію Львовичу, вздумали посмѣяться надъ своимъ пожилымъ другомъ, у котораго было болѣе добродушія, нежели поэтическаго таланта, и объявили ему, что онъ долженъ безпрекословно подчиниться церемоніямъ торжественнаго принятія въ общество, если хочетъ участвовать въ его собраніяхъ. Добродушный искатель согласился, и ему устроили слѣдующій пріемъ. Сначала тучный Василій Львовичъ долженъ былъ лечь на лавку или диванъ, и его завалили множествомъ шубъ, подъ которыми онъ пролежалъ часъ или два, между тѣмъ, какъ надъ нимъ читали какую-то французскую трагедію; потомъ страшно измученнаго страдальца поставили передъ огромнымъ чучеломъ и дали ему въ руки замороженнаго гуся: замороженный гусь — эмблема Арзамаса, сказали ему. Въ этомъ забавномъ положеніи, новопри-

нимаемый долженъ былъ выслушать длинную рѣчь; и вдругъ чучело упало, и спрятанный за нимъ мальчикъ выстрѣлилъ изъ пистолета въ Василія Львовича, который въ испугѣ повалился на землю, считая себя уже убитымъ, хотя, конечно, пистолетъ былъ заряженъ однимъ порохомъ.

Мы разсказываемъ этотъ анекдотъ, какъ одинъ изъ примѣровъ, показывающихъ, что тогда сами писатели смотрѣли на литературныя свои занятія вовсе не съ нынѣшней серьёзной точки зрѣнія. Литература тогда была не болѣе, какъ забавою, пріятнымъ отдыхомъ послѣ разныхъ житейскихъ дѣлъ, а не однимъ изъ самыхъ важнѣйшихъ дѣлъ, какъ всѣ думаютъ нынѣ. Въ наше время не только лучшіе, но и посредственные писатели, собираясь вмѣстѣ для занятій литературными дѣлами, не будутъ тратить цѣлый вечеръ на подобныя шутки; да и ни одинъ изъ людей, называющихъ себя писателями, не захочетъ, чтобы съ нимъ шутили такимъ образомъ. Все это мы говоримъ для того, чтобы показать различіе между тогдашними и нынѣшними понятіями. А главнымъ виновникомъ такой перемѣны былъ Пушкинъ: его произведенія, возбудивъ необыкновенный интересъ во всѣхъ грамотныхъ рус-

скихъ людяхъ, придали нашей литературѣ важность, которой она не имѣла прежде.

Но мы заглянули далеко впередъ: надобно возвратиться къ дѣтству Пушкина, къ разсказу о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя способствовали къ быстрому обнаруженію его таланта.

Василій Львовичъ, его дядя, игралъ, какъ мы видимъ, не слишкомъ завидную роль въ тогдашнемъ литературномъ мірѣ; но, тѣмъ не менѣе, онъ былъ коротко знакомъ съ лучшими писателями. Отецъ великаго поэта, Сергѣй Львовичъ, также былъ пріятель со многими изъ нихъ. Эти отношенія не могли бы внушить любви къ литературѣ молодому Пушкину, если бы не была она вложена въ него самою природою, не могли бы они доставить ему съ перваго раза блестящаго положенія въ литературныхъ кружкахъ, еслибъ не давалъ ему права на то его необыкновенный и очень рано развившійся талантъ, но, конечно, до нѣкоторой степени, облегчили ему первые шаги на литературномъ поприщѣ: Карамзинъ и Жуковскій привѣтствовали геніальнаго юношу тѣмъ съ большею любовью, что онъ являлся къ нимъ какъ человѣкъ, носящій фамилію, не чуждую для ихъ слуха.

Изъ другихъ лицъ, близкихъ по родству, особенно много обязанъ былъ Пушкинъ своей бабушкѣ, Марьѣ Алексѣевнѣ Ганнибалъ, которая жила въ домѣ своего зятя, Сергѣя Петровича. Она учила внука читать и писать по русски и была вообще очень ласкова къ нему. Когда мальчику хотѣлось избавиться отъ какого нибудь принужденія, онъ бѣжалъ къ бабушкѣ, садился подлѣ нея, даже залѣзалъ въ ея рабочую корзину и по цѣлымъ часамъ просиживалъ съ бабушкою, слушая разсказы ея. Марья Алексѣевна была женщина умная, много видѣвшая, много помнившая, и, конечно, многое изъ ея разсказовъ осталось навсегда въ памяти внука.

Другомъ дѣтства Пушкина была его сестра, Ольга Сергѣевна, которую онъ нѣжно любилъ до конца жизни. Она была только годомъ старше его, и они вмѣстѣ учились, вмѣстѣ играли; ей первой читалъ десятилѣтній мальчикъ первые свои стихи, которые, по примѣру отца, сочинялъ на французскомъ языкѣ; ей посвящено и первое изъ русскихъ его стихотвореній, извѣстныхъ намъ: оно писано въ 1814 году; молодому поэту не было еще тогда пятнадцати лѣтъ. Приведемъ здѣсь нѣсколько стиховъ изъ этого довольно длиннаго «посланія», драгоцѣннаго *для насъ,* какъ первый памятникъ поэтической дѣя-

тельности великаго писателя. «Ты хочешь, милая сестра, чтобъ я писалъ къ тебѣ», говоритъ Пушкинъ:

Ты хочешь, другъ безцѣнный,
Чтобъ я, поэтъ младой,
Бесѣдовалъ съ тобой
И, съ лирою забвенной,
Мечтами окриленный
Оставилъ монастырь (*)
И край уединенный,
Гдѣ непрерывный миръ
Во мракѣ опустился....

«И я переношусь мыслями къ тебѣ. Что дѣлаешь ты теперь — продолжаетъ молодой поэтъ — читаешь, играешь съ своею собачкою или сидишь за фортепьяно?

И вотъ ужь я съ тобой.
И въ радости нѣмой
Твой другъ разцвѣлъ душою,
Какъ ясный вешній день.
Забыты дни разлуки,
Дни горести и скуки,
Исчезла грусти тѣнь.

«Но это лишь одна мечта—она исчезаетъ, и я остаюсь одинъ въ своей скучной и пустой комнатѣ. Но время летитъ, и я скоро примчусь къ тебѣ....»

(*) Монастыремъ Пушкинъ называетъ Лицей, гдѣ тогда учился.

И съ каменныхъ воротъ
Падутъ, падутъ запоры
И въ пышный Петроградъ
Черезъ долины, горы
Ретивые примчатъ,
Спѣша на новоселье.

Стихи, нами выписанные, еще слабы въ поэтическомъ отношенiи, даже въ языкѣ, которымъ они написаны, встрѣчаются устарѣлыя или неправильныя выраженiя; но «Посланiе къ Сестрѣ» должно быть извѣстно каждому изъ насъ, какъ первое произведенiе великаго нашего поэта.

Мы видѣли, что отецъ, дядя и бабушка имѣли нѣкоторое влiянiе на дѣтскiя понятiя Пушкина; но сильнѣе всѣхъ содѣйствовала развитiю въ немъ воображенiя его няня, Арина Родiоновна, которой память увѣковѣчилъ ея воспитанникъ въ своихъ стихахъ. Арина Родiоновна была такъ привязана къ семейству Пушкиныхъ, что, получивъ отпускную, не хотѣла ею пользоваться. Александръ Сергѣевичъ чрезвычайно любилъ ее до конца своей жизни и, когда жилъ въ деревнѣ, постоянно бесѣдовалъ съ нею, какъ съ лучшимъ изъ своихъ друзей. Кромѣ неусыпной заботливости о своемъ питомцѣ и самой искренней привязанности къ нему, она прiобрѣла право на его благодарность особенно тѣмъ, что сво-

ими неистощимыми разсказами познакомила его съ русскою народною словесностью. Арина Родіоновна знала безчисленное множество сказокъ и умѣла прекрасно ихъ пересказывать. Нѣкоторыя изъ лучшихъ произведеній Пушкина взяты изъ этого запаса, напримѣръ, прекрасное его стихотвореніе «Женихъ», заимствованное изъ преданія о томъ, какъ дѣвушка, заблудившись въ лѣсу, забрела въ притонъ разбойниковъ и, спрятавшись подъ лавку, видѣла ихъ злодѣйства, а потомъ узнала атамана разбойниковъ въ своемъ женихѣ и уличила его:

Три дня купеческая дочь
    Наташа пропадала;
Она на дворъ на третью ночь
    Безъ памяти вбѣжала.
Съ вопросами отецъ и мать
Къ Наташѣ стали приступать.
    Наташа ихъ не слышитъ,
    Дрожитъ и еле дышитъ.... и пр.

Вообще, очень многія описанія русскихъ народныхъ нравовъ и обычаевъ не были бы у Пушкина такъ живы и хороши, еслибъ онъ не былъ съ дѣтства пропитанъ разсказами изъ народной жизни. Зато онъ вспоминаетъ о своей нянѣ очень часто, и всегда съ самою трогательною любовью. Онъ назы-

ваетъ ее своею первою музою, то есть говоритъ, что ея разсказами были навѣяны первыя его стремленія къ поэзіи:

Наперсница волшебной старины,
Другъ вымысловъ игривыхъ и печальныхъ,
Тебя я зналъ во дни моей весны,
Во дни утѣхъ и сновъ первоначальныхъ.
Я ждалъ тебя. Въ вечерней тишинѣ
Являлась ты веселою старушкой
И надо мной сидѣла въ шушунѣ,
Въ большихъ очкахъ и съ рѣзвою гремушкой.
Ты, дѣтскую качая колыбель,
Мой юный слухъ напѣвами плѣнила
И межь пеленъ оставила свирѣль,
Которую сама заворожила....

Вотъ одно изъ писемъ, которыя посылала старая няня своему воспитаннику, уже славному поэту:

«Любезный мой другъ Александръ Сергѣевичъ! Я получила письмо и деньги, которыя вы мнѣ прислали. За всѣ ваши милости я вамъ всѣмъ сердцемъ благодарна, вы у меня безпрестанно въ сердцѣ и на умѣ, и только когда засну, забуду васъ. Пріѣзжай, мой ангелъ, къ намъ въ Михайловское—всѣхъ лошадей на дорогу выставлю. Я васъ буду ожидать и молить Бога, чтобъ онъ далъ намъ свидѣться. Прощай, мой батюшка Александръ Сергѣевичъ! За ваше здоровье я просвиру вынула и молебенъ отслу-

жила. Поживи, дружочекъ, хорошенько — самому слюбится. Я, слава Богу, здорова; цалую ваши ручки и остаюсь васъ многолюбящая няня ваша Арина Родіоновна.»

Растроганный до глубины души этою простодушною заботливостью няни о томъ, чтобы питомецъ ея «жилъ хорошенько», этою умилительною любовью, Пушкинъ пишетъ:

Подруга дней моихъ суровыхъ,
Голубка дряхлая моя!
Одна въ глуши лѣсовъ сосновыхъ
Давно, давно ты ждешь меня!...
Ты подъ окномъ своей свѣтлицы
Горюешь, будто на часахъ,
И медлятъ поминутно спицы
Въ твоихъ наморщенныхъ рукахъ.
Глядишь въ забытыя вороты
На черный, отдаленный путь:
Тоска, предчувствіе, заботы
Тѣснятъ твою всечасно грудь....

Особенно много воспоминаній въ душѣ Пушкина оставили бесѣды съ нянею въ 1825 и 1826 годахъ, когда онъ совершенно одинъ жилъ въ селѣ Михайловскомъ и длинные зимніе вечера проводилъ въ разговорахъ съ нянею, которая раздѣляла его одиночество: то она пересказывала ему «преданья ста-

рины глубокой», — и въ бумагахъ Пушкина сохранилось нѣсколько сказокъ, записанныхъ съ ея словъ, между прочимъ, сказки «О царѣ Салтанѣ», «О мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ», «О купцѣ Остолопѣ и работникѣ его Балдѣ», которыя потомъ были переложены имъ въ стихи, — то онъ самъ читалъ ей свои произведенія: пусть другіе поэты читаютъ кому угодно свои произведенія — говоритъ онъ въ IV главѣ «Онѣгина», вспоминая объ этихъ вечерахъ —

Но я плоды моихъ мечтаній
И гармоническихъ затѣй
Читаю только старой нянѣ,
Подругѣ юности моей.

Арина Родіоновна умерла семидесятилѣтней старушкой, въ 1828 году, въ самую блестящую эпоху восторга, возбужденнаго произведеніями ея питомца.

ГЛАВА III.

Дѣтство до семи лѣтъ и лѣнь, которою въ эти годы отличался геніальный ребенокъ. — Учителя и гувернёры Пушкина. —Шиллеръ, учившій Пушкина русскому языку. — Степень успѣховъ Пушкина въ наукахъ. — Страсть къ чтенію. — Дѣтскія произведенія. — Лицей. — Лицейскіе журналы. — Дельвигъ. — Державинъ и торжественный актъ 1815 года.

До семи лѣтъ будущій поэтъ не обнаруживалъ ни особенныхъ дарованій, ни даже той живости, которою бываютъ привлекательны почти всѣ дѣти. Онъ былъ ребенкомъ толстымъ, неповоротливымъ, лѣнивымъ, такъ что неподвижностью своею приводилъ въ отчаяніе родныхъ. Гулять и играть его заставляли почти насильно; онъ не любилъ ни бѣгать, ни рѣзвиться: сидѣть или лежать было единственнымъ его наслажденіемъ. Лѣность толстаго ребенка была

такъ велика, что однажды, когда старшіе взяли его съ собою на прогулку, онъ незамѣтно отсталъ отъ общества и усѣлся отдыхать середи улицы. Кто-то смотрѣвшій изъ окна сосѣдняго дома увидѣлъ эту смѣшную сцену и улыбнулся. «Ну, нечего скалить зубы!» съ досадою сказалъ ребенокъ и всталъ; а безъ этой помѣхи онъ, вѣроятно, просидѣлъ бы долго.

Между тѣмъ, принялись учить его. Гувернёровъ, гувернантокъ и учителей было много; но, при лѣности и неповоротливости ребенка, учебныя его дѣла шли довольно плохо и очень медленно. Главный надзоръ за воспитаніемъ былъ порученъ французу-эмигранту, графу Монфору; кромѣ того былъ другой гувернёръ французъ, Руссло. При ихъ помощи, Пушкинъ сдѣлалъ навыкъ говорить и писать по французски такъ же легко, если еще не легче, нежели по русски. Впрочемъ, мудрено было бы не сдѣлать этого навыка, потому что въ семействѣ Сергѣя Львовича, какъ и почти во всѣхъ тогдашнихъ знатныхъ домахъ, совершенно господствовалъ французскій языкъ. Зато по англійски — въ числѣ гувернантокъ была и англичанка—Пушкинъ учился очень плохо. Этотъ языкъ онъ только впослѣдствіи, будучи уже взрослымъ мужчиною, узналъ на столь-

ко, что могъ читать англійскія книги; по нѣмецки старался онъ вовсе не учиться и успѣлъ въ этомъ, но потомъ очень жалѣлъ о незнаніи нѣмецкаго языка. Стоитъ, по странности случая, замѣтить то, что русскому языку училъ молодаго Пушкина нѣмецъ, фамилія котораго была — Шиллеръ.

Въ самомъ дѣлѣ, довольно забавно, что величайшаго изъ русскихъ поэтовъ родному его языку училъ иностранецъ, и еще забавнѣе, что этому иностранцу случилось быть однофамильцемъ геніальнаго нѣмецкаго поэта. Есть люди, которые изъ каждаго случайнаго совпаденія именъ или чиселъ готовы выводить необыкновенно важныя заключенія и предзнаменованія. Имъ не мѣшало бы приложить свои истолкованія къ этому случаю. Мы не станемъ заниматься каламбурами и скажемъ только, что г. Шиллеръ, если и превосходно зналъ по русски, не многому могъ научить Пушкина, потому что мальчику и его сестрѣ, воспитывавшимся вмѣстѣ, всѣ остальные предметы преподавались, по тогдашнему обычаю, на французскомъ языкѣ, и даже говорить между собою и со старшими заставляли дѣтей по французски. Однако же, какъ показалъ опытъ, это нисколько не помѣшало Пушкину остаться чисто

русскимъ человѣкомъ и писать по русски такъ, какъ не писалъ до него еще никто.

Вообще, учебныя занятія Пушкина и въ отцовскомъ домѣ и въ Лицеѣ, куда онъ поступилъ потомъ, не сопровождались особенно блестящими успѣхами, и то, что говоритъ онъ о Евгеніѣ Онѣгинѣ, относится и къ самому поэту, представляя вѣрный очеркъ тогдашняго воспитанія дѣтей въ такъ называемыхъ «хорошихъ фамиліяхъ»:

Судьба Евгенія хранила:
Сперва madame за нимъ ходила,
Потомъ monsieur ее смѣнилъ.
Ребенокъ былъ рѣзовъ, но милъ.
Monsieur l'Abbé, французъ убогой,
Чтобъ не измучилось дитя,
Училъ его всему шутя,
Не докучалъ моралью строгой,
Слегка за шалости бранилъ
И въ Лѣтній Садъ гулять водилъ
. . . .
Онъ по французски совершенно
Могъ изъясняться и писалъ,
Легко мазурку танцовалъ
И кланялся непринужденно.
Чего жь вамъ больше?—Свѣтъ рѣшилъ,
Что онъ уменъ и очень милъ.
. . . .
Мы всѣ учились понемногу,

Чему нибудь и какъ нибудь:
Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
У насъ не мудрено блеснуть.

Для довершенія сходства съ этимъ очеркомъ, надобно замѣтить, что Пушкинъ съ семи лѣтъ сдѣлался мальчикомъ бойкимъ, живымъ, развязнымъ; прежняя застѣнчивость и вялость уступили мѣсто рѣзвости, которая часто доходила до шаловливости. Одно только сохранилось въ немъ неизмѣннымъ: какъ ученикъ, Пушкинъ всегда, до самаго окончанія курса въ Лицеѣ, былъ довольно лѣнивъ.

Но если такъ, то какимъ же образомъ успѣлъ онъ пріобрѣсть многостороннія познанія, безъ которыхъ невозможно сдѣлаться хорошимъ литераторомъ? Дѣло въ томъ, что Пушкинъ не любилъ только учить уроковъ, которые было надобно каждый день приготовлять къ завтрашнимъ классамъ; а любознательности было въ немъ очень много. Страсть къ чтенію развилась въ немъ рано—лѣтъ съ восьми или девяти. Будучи воспитанъ на французскомъ языкѣ, онъ принялся, разумѣется, за французскія книги, которыхъ у его отца было очень много: Сергѣй Львовичъ, большой любитель французской литературы, имѣлъ хорошую библіотеку. Онъ старался поощрять въ дѣтяхъ любовь къ книгамъ и часто читалъ вмѣстѣ съ

ними лучшія, по его мнѣнію, сочиненія, особенно Мольера, котораго, говорятъ, зналъ почти наизусть. Сынъ его бросился на книги съ жадностью, читалъ безъ устали день и ночь и, при необыкновенной своей памяти, на одиннадцатомъ году былъ, по выраженію дяди, Василья Львовича, уже отличнымъ знатокомъ французской литературы.

Страсть къ чтенію сохранилась у Пушкина до конца жизни. Рѣдко можно встрѣтить человѣка, который бы прочелъ такъ много книгъ, какъ онъ. Потому и не удивительно, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ образованнѣйшихъ людей своего времени, хотя въ школѣ и считался посредственнымъ ученикомъ. Не съ однимъ Пушкинымъ было такъ: люди съ блестящими способностями часто пренебрегаютъ школьнымъ преподаваніемъ, которое кажется для нихъ слишкомъ медленно или не касается предметовъ, особенно интересующихъ ихъ умъ. Только внимательная и нѣжная заботливость отца или матери можетъ предохранить ихъ отъ пренебреженія школьными занятіями, или — но это уже особенно счастливый и рѣдкій случай—какой нибудь талантливый и любящій наставникъ заставляетъ ихъ шагъ за шагомъ итти впередъ, не оставляя позади ничего не изученнымъ основательно. И счастливъ бываетъ

даровитый юноша, если найдетъ себѣ въ родителяхъ или наставникѣ такого любимаго руководителя: его образованіе будетъ тогда не только обширно, но и основательно—у него будутъ всѣ познанія, нужныя человѣку для того, чтобы составить себѣ прочныя и благородныя убѣжденія, то есть примѣнять отношенія всего, о чемъ случится ему судить, къ понятіямъ справедливости и добра. Иначе, онъ узнаетъ многое, но въ числѣ этого многаго больше будетъ неважнаго и излишняго, нежели необходимаго для истинной образованности, которая состоитъ въ томъ, чтобы о всемъ, что̀ дѣлается въ мірѣ, умѣть судить, какъ должно судить человѣку просвѣщенному и благородному.

Въ произведеніяхъ Пушкина мы находимъ доказательства того, что онъ былъ человѣкъ съ большою начитанностью; но если бы онъ вмѣстѣ съ этою начитанностью обладалъ бо̀льшею основательностью въ своихъ понятіяхъ о многихъ важныхъ вопросахъ человѣческой жизни, то, безъ сомнѣнія, достоинство его твореній было бы еще выше.

Не отъ Пушкина зависѣло, что онъ не получилъ образованія болѣе солиднаго; не онъ былъ виноватъ, что его любознательность съ самаго начала не нашла умнаго и вполнѣ образованнаго руково-

дителя, который воспользовался бы ею, чтобы поставить ученыя понятія Пушкина на высоту, соотвѣтственную величію его таланта. Но, къ чести нашего поэта, должно сказать, что, достигнувъ лѣтъ, когда человѣкъ начинаетъ самъ располагать своими дѣйствіями, онъ неутомимо старался вознаградить потерянные годы и чрезвычайно ревностно трудился надъ собственнымъ образованіемъ. Онъ учился всю свою жизнь.

Вмѣстѣ съ любовью къ чтенію въ ребенкѣ обнаружилась и страсть къ авторству. Мы говорили, что онъ началъ сочинять стихи, когда ему было не болѣе 9-ти или 10-ти лѣтъ, и, по примѣру отца, сначала писалъ на французскомъ языкѣ; вѣроятно, также примѣръ отца внушилъ ему особенную любовь къ Мольеру, и въ числѣ первыхъ произведеній Пушкина были небольшія французскія комедіи, сочиненныя по образцу мольеровыхъ. Онъ читалъ ихъ сестрѣ. Къ сожалѣнію, эти первые опыты не дошли до насъ. Сохранилась въ памяти его сестры только эпиграмма, которою онъ самъ посмѣялся надъ одною изъ своихъ комедій, «l'Escamoteur», которая не понравилась его слушательницѣ:

Dis-moi, pourquoi l'Escamoteur
Est-il sifflé par le parterre?

Hélas, c'est que le pauvre auteur
L'escamota de Molière. (*)

Кромѣ небольшихъ комедій, Пушкинъ писалъ басни и наконецъ вздумалъ сочинить эпическую поэму въ шести пѣсняхъ. Сюжетомъ онъ выбралъ войну карликовъ и карлицъ при старинномъ французскомъ королѣ Дагоберѣ. Карликъ Толи, влюбленный въ карлицу Нитушь, побѣдивъ соперниковъ, долженъ былъ получить руку миньятюрной красавицы. Но эта поэма погибла, еще не достигши конца: одна изъ гувернантокъ замѣтила тетрадь, надъ которою прилежно трудился молодой авторъ, унесла ее и отдала гувернёру, жалуясь на непослушнаго мальчика, который «проводитъ время за сочиненіемъ подобныхъ пустяковъ». Гувернёръ началъ читать «Толіаду», какъ называлась поэма по имени своего героя, и расхохотался. Оскорбленный авторъ вырвалъ у него тетрадь и бросилъ въ топившуюся печь.

Мальчику исполнилось двѣнадцать лѣтъ, и родители начали думать, что пора отдать его въ какое

(*) Скажите, за что партеръ освисталъ «Похитителя»? за то, что бѣдный авторъ похитилъ его у Мольера. — Пушкинъ, читая свои комедіи, воображалъ, что онѣ разъигрываются на сценѣ, и сестра была для него «публикою» и «партеромъ», рѣшающимъ успѣхъ или паденіе пьесы.

нибудь училище. Особенно славился тогда существовавшій въ Петербургѣ іезуитскій коллегіумъ, и Сергѣй Львовичъ поѣхалъ въ Петербургъ, чтобы помѣстить сына въ это заведеніе. Но въ то самое время правительство объявило объ открытіи высшаго училища для дворянъ — Царскосельскаго Лицея. Директоромъ этого учрежденія назначенъ былъ одинъ изъ друзей Сергѣя Львовича, и двѣнадцатилѣтній Пушкинъ былъ принятъ въ число воспитанниковъ Лицея.

Годы, проведенные въ Лицеѣ, остались навсегда лучшими годами жизни въ памяти Пушкина: въ Лицеѣ развился его поэтическій талантъ, въ Лицеѣ онъ встрѣтилъ друзей, особенно Дельвига, котораго всегда чрезвычайно уважалъ и любилъ. Воспитанники, удаленные отъ столицы, принужденные довольствоваться собственнымъ обществомъ, скоро свыклись между собою и на всю жизнь остались людьми близкими другъ другу. Но, кажется, ни въ одномъ изъ нихъ эти юношескія чувства не остались такъ живы, какъ въ Пушкинѣ. Его лирическія стихотворенія и «Евгеній Онѣгинъ» наполнены воспоминаніями о Царскомъ Селѣ и Лицеѣ. Нѣсколько прекраснѣйшихъ стихотвореній его написаны въ память годовщины открытія Лицея.

Въ Лицеѣ, точно такъ же, какъ и дома, Пушкинъ не слишкомъ прилежно готовился къ урокамъ и, несмотря на чрезвычайно сильную память и блестящій умъ, считался посредственнымъ ученикомъ. Но! независимо отъ школьнаго преподаванія, онъ читалъ очень много книгъ по всеобщей исторіи, французской и русской словесности. Потому шесть лѣтъ (1811—1817), проведенныя имъ въ Лицеѣ, были для него не безполезны и въ отношеніи умственнаго образованія. Что же касается поэтическаго его таланта, онъ развивался въ это время очень быстро и уже начиналъ пріобрѣтать извѣстность.

Между товарищами Пушкина была довольно сильна любовь къ литературнымъ занятіямъ: многіе писали стихи, другіе переводили разныя прозаическія статьи съ иностранныхъ языковъ; молодые литераторы начали даже издавать рукописные журналы. Къ сожалѣнію, тетради эти, столь интересныя, затеряны и извѣстны намъ только по заглавіямъ. Такъ, одинъ журналъ назывался «Лицейскій Мудрецъ», другой — «Неопытное Перо», третій — «Пловцы», и проч.

Въ первые годы своей лицейской жизни, Пушкинъ по прежнему писалъ стихи на французскомъ языкѣ и только около 1814 года началъ писать и

по русски. Мы привели отрывки изъ «Посланія къ сестрѣ», перваго русскаго его стихотворенія, дошедшаго до насъ. Но оно не было напечатано. Первымъ изъ появившихся въ печати произведеній его было довольно длинное посланіе «Къ другу-стихотворцу», написанное въ сатирическомъ духѣ, по образцу множества подобныхъ стихотвореній того времени: посланія были тогда въ модѣ. Оно напечатано въ московскомъ журналѣ «Вѣстникъ Европы», 1814 года, въ восьмой книжкѣ. Послѣ того стихотворенія Пушкина начали появляться въ журналахъ довольно часто и скоро обратили на себя вниманіе легкостью языка, съ которою часто соединялось и поэтическое достоинство мысли и картинъ.

Многіе изъ товарищей сначала не любили Пушкина за его эпиграммы: онъ тогда уже отличался остроуміемъ и за каждое оскорбленіе расплачивался колкимъ стихомъ, котораго боялись не одни его сверстники, но и люди гораздо старше его лѣтами. Довольно долго эта легкая вражда мѣшала даже единодушному согласію товарищей въ томъ, что Пушкинъ превосходитъ ихъ всѣхъ поэтическимъ талантомъ. Но, ближе познакомясь съ молодымъ поэтомъ, всѣ полюбили его, потому что въ душѣ

Пушкинъ былъ очень добръ и чрезвычайно благородень. Извѣстность, которую пріобрѣлъ онъ въ литературѣ, убѣдила всѣхъ въ несомнѣнности его дарованія, и въ послѣднее время лицейской жизни Пушкинъ пользовался уже между товарищами громкою славою.

Изъ всѣхъ товарищей Пушкинъ особенно былъ друженъ съ барономъ Дельвигомъ, привязанность къ которому не ослабѣла въ немъ до самой смерти Дельвига и доставила Дельвигу большую извѣстность, какъ превосходному поэту; только послѣ смерти Пушкина, когда уже некому было превозносить до небесъ стихи Дельвига, публика убѣдилась, что этотъ поэтъ не отличался замѣчательнымъ талантомъ. Но Пушкинъ такъ сильно былъ ему преданъ, что искренно считалъ его великимъ поэтомъ, и вліяніе Пушкина на мнѣніе публики было такъ сильно, что почти всѣ вѣрили этому. На самомъ же дѣлѣ баронъ Дельвигъ заслужилъ дружбу Пушкина своею любовью къ поэзіи и тѣмъ, что великій поэтъ могъ откровенно и не безъ пользы говорить съ нимъ о своихъ произведеніяхъ, какъ съ человѣкомъ образованнымъ и не лишеннымъ вкуса.

Изъ событій лицейской жизни ярче всего остался въ памяти Пушкина торжественный актъ 1815 г.,

который былъ почтенъ посѣщеніемъ Державина, съ одобреніемъ выслушавшаго стихотвореніе молодаго поэта: «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ». Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ случаѣ самъ Пушкинъ:

«Державина видѣлъ я только разъ въ жизни, но «никогда того не забуду. Это было въ 1815 году, «на публичномъ экзаменѣ въ Лицеѣ. Какъ узнали «мы, что Державинъ будетъ къ намъ, всѣ мы взвол-«новались. Дельвигъ вышелъ на лѣстницу, чтобъ «дождаться его и поцаловать руку, — руку, напи-«савшую «Водопадъ» (*). Державинъ пріѣхалъ.... «Онъ былъ очень старъ.... Экзаменъ нашъ очень его «утомилъ: онъ сидѣлъ поджавъ голову рукою; «глаза его были мутны, губы отвисли. Онъ дремалъ «до тѣхъ поръ, пока не начался экзаменъ русской «словесности. Тутъ онъ оживился: глаза заблиста-«ли, онъ преобразился весь. Разумѣется, читаны «были его стихи, поминутно хвалили его стихи. «Онъ слушалъ съ живостью необыкновенною. На-«конецъ вызвали меня. Я прочелъ мои «Воспомина-«нія въ Ц. С.», стоя въ двухъ шагахъ отъ Держа-

(*) Ода эта, написанная Державинымъ, подъ вліяніемъ извѣстія о смерти Потемкина-Таврическаго, принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній Державина

«вина. Я не въ силахъ описать состояніе души моей: «когда я дошелъ до стиха, гдѣ упоминаю имя Дер-«жавина, голосъ мой отроческій зазвенѣлъ, а серд-«це забилось съ упоительнымъ восторгомъ. Не пом-«ню, какъ я кончилъ свое чтеніе; не помню, куда «убѣжалъ. Державинъ былъ въ восхищеніи: онъ «меня требовалъ, хотѣлъ меня обнять.... Меня «искали, но не нашли....»

Послѣ экзамена, на обѣдѣ, графъ Разумовскій, бывшій въ то время министромъ народнаго просвѣщенія, поздравляя Сергѣя Львовича съ успѣхами сына, прибавилъ: «Однако же, я желалъ бы обратить вашего сына къ прозѣ.»

— Оставьте его поэтомъ! съ необыкновеннымъ жаромъ сказалъ Державинъ.

Объ этихъ отношеніяхъ своихъ къ Державину Пушкинъ упоминаетъ въ превосходныхъ стихахъ «Евгенія Онѣгина», гдѣ разсказываетъ судьбу своей музы (то есть своего поэтическаго дарованія):

И свѣтъ ее (*музу*) съ улыбкой встрѣтилъ;
Успѣхъ насъ первый окрылилъ;
Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ
И, въ гробъ сходя, благословилъ....

Но вотъ приблизилось и время окончанія курса (9 іюня 1817 г.). Пушкинъ былъ выпущенъ съ чи-

номъ десятаго класса и черезъ три дня опредѣленъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Молодой человѣкъ тотчасъ же взялъ отпускъ и поѣхалъ въ село Михайловское, къ своему семейству.

Надобно замѣтить, что пока Пушкинъ былъ въ Лицеѣ, его родные переселились изъ Москвы въ Петербургъ и лѣтомъ переѣзжали жить въ село Михайловское, находящееся въ Псковской губерніи. Пушкинъ до 1820 года, когда долженъ былъ уѣхать на югъ Россіи, каждое лѣто проводилъ также въ Михайловскомъ.

ГЛАВА IV.

Пушкинъ въ свѣтскомъ обществѣ. — Первая его поэма: «Русланъ и Людмила». — Пушкинъ въ Бессарабіи, въ Одессѣ, на Кавказѣ, въ Крыму. — Поэмы его: «Кавказскій Плѣнникъ», «Бахчисарайскій Фонтанъ», «Цыганы» и «Братья Разбойники».

По возвращеніи въ Петербургъ послѣ отдыха въ деревнѣ, Пушкинъ вошелъ въ кругъ свѣтской жизни: веселый и живой характеръ его проявлялся тогда во всей силѣ; но въ то же время онъ не покидалъ своихъ литературныхъ занятій, былъ принятъ въ число членовъ Арзамасскаго Общества, о которомъ мы говорили, и въ 1819 году написалъ первую изъ своихъ большихъ поэмъ — «Руслана и Людмилу», которая прославила его имя, и по прочтеніи которой Жуковскій подарилъ ему свой пор-

третъ съ надписью: «Ученику-побѣдителю отъ побѣжденнаго учителя».

Нынѣ всякій хорошо видитъ, что эта поэма имѣетъ множество недостатковъ; но въ то время она, дѣйствительно, была необыкновеннымъ явленіемъ по чрезвычайной легкости стиха и по прекрасному языку. Все, чтó было написано прежними нашими поэтами, казалось тяжелымъ и неизящнымъ въ сравненіи съ поэмою Пушкина; потому вся публика прочла ее съ необыкновеннымъ восторгомъ. Содержаніе этой повѣсти въ стихахъ состоитъ въ томъ, что Русланъ, древній русскій богатырь, отъискиваетъ свою невѣсту, Людмилу, которую похитилъ волшебникъ Черноморъ.

Вскорѣ по окончаніи «Руслана и Людмилы» Пушкинъ былъ посланъ въ Бессарабію и оставался на югѣ Россіи съ 1820 до 1824 года. Сначала прибылъ онъ въ Екатеринославль, гдѣ занемогъ, такъ что долженъ былъ ѣхать на Кавказскія Минеральныя Воды. Когда его здоровье поправилось, онъ поѣхалъ съ Кавказа въ Крымъ, осмотрѣлъ южный берегъ его, богатый живописными видами, посѣтилъ Бахчисарай, бывшую столицу крымскихъ хановъ, и въ сентябрѣ 1820 года пріѣхалъ жить въ Кишиневъ. Въ концѣ этого года онъ ѣздилъ въ Кіевъ и, по воз-

вращенія въ Кишиневъ, окончилъ (въ началѣ 1821 года) свою поэму «Кавказскій Плѣнникъ», начатую за нѣсколько мѣсяцевъ. Она написана подъ вліяніемъ впечатлѣній, произведенныхъ на поэтическое воображеніе Пушкина величественною горною природою, и лучшее достоинство ея составляютъ превосходныя и живыя картины Кавказа. Вмѣстѣ съ тѣмъ на ней отразилось вліяніе англійскаго поэта Байрона, произведеніями котораго восхищалась тогда вся Европа. Пушкинъ былъ въ то время еще такъ молодъ, что неудивительно, если и онъ подчинился общему увлеченію. Характеръ въ человѣкѣ образуется мало по малу, житейскою опытностью, и Пушкинъ послѣ «Кавказскаго Плѣнника» писалъ еще нѣсколько лѣтъ увлекаясь вліяніемъ Байрона. Байронъ — поэтъ чрезвычайно грустный. Въ поэмахъ Пушкина; писанныхъ въ байроновскомъ духѣ, также отразилась отчасти эта грусть, но гораздо слабѣе, нежели у англійскаго поэта, потому что въ сущности она противорѣчила природному расположенію Пушкина, скорѣе наклоннаго къ беззаботности, любившаго жизнь и ея удовольствія, добраго и снисходительнаго.

Въ Кишиневѣ же, въ 1822 году, была написана и третья поэма Пушкина «Бахчисарайскій Фон-

танъ», заключающая въ себѣ воспоминанія о Крымѣ, какъ воспоминанія о Кавказѣ были высказаны поэтомъ въ «Кавказскомъ Плѣнникѣ». Съ какимъ восторгомъ были приняты публикою оба эти произведенія, можно судить по тому, что черезъ нихъ Кавказъ и Крымъ стали знакомы каждому русскому, между тѣмъ, какъ прежде понятія о природѣ этихъ странъ были почти у всѣхъ очень неопредѣленны.

Въ половинѣ слѣдующаго года Пушкинъ былъ переведенъ на службу въ Одессу, гдѣ прожилъ около года. Здѣсь онъ началъ писать свой романъ въ стихахъ «Евгеній Онѣгинъ», который оконченъ былъ уже черезъ нѣсколько лѣтъ. Мы скажемъ объ этомъ произведеніи послѣ. Въ Одессѣ также была написана поэма «Цыганы», въ которой особенно хороши описанія кочевой жизни цыганъ. Содержаніемъ этому произведенію послужили такъ же, какъ и прежнимъ, воспоминанія поэта: когда онъ ѣздилъ по Бессарабіи, то часто имѣлъ случай близко присмотрѣться къ цыганскому быту, а однажды даже посвятилъ этимъ наблюденіямъ нѣсколько дней.

На югѣ Россіи, именно въ Кишиневѣ, написанъ Пушкинымъ также отрывокъ изъ поэмы, напечатанный подъ заглавіемъ «Братья Разбойники».

Остальныя части этой недописанной поэмы авторъ уничтожилъ, будучи ею не доволенъ; а напечатанный отрывокъ уцѣлѣлъ случайно въ рукахъ одного изъ пріятелей автора. Содержаніе для разсказа взято изъ анекдота о томъ, что два колодника, скованные вмѣстѣ, переплыли черезъ рѣку. Если это и дѣйствительно было, то все-таки остается случаемъ почти невѣроятнымъ; а поэтическія произведенія хороши тогда, когда, прочитавъ ихъ, каждый говоритъ: «да, это не только правдоподобно, но иначе и быть не могло, потому что всегда такъ бываетъ».

ГЛАВА V.

Возвращеніе Пушкина въ село Михайловское, потомъ въ Москву и Петербургъ.—Трагедія «Борисъ Годуновъ». — Поэма «Полтава». — Романъ въ стихахъ «Евгеній Онѣгинъ». — Путешествіе въ Арзерумъ. — Драматическія произведенія. — Женитьба Пушкина. — Онъ поселяется въ Петербургѣ. — Повѣсти въ прозѣ: «Дубровскій» и «Капитанская Дочка. — Поэма «Мѣдный Всадникъ».

Въ іюлѣ 1824 года Пушкинъ былъ возвращенъ изъ Одессы въ свое село Михайловское, гдѣ и прожилъ два года. Здѣсь то, будучи почти постоянно одинокъ, онъ чрезвычайно много читалъ и писалъ. Время, проведенное въ Михайловскомъ, было въ литературномъ отношеніи самою дѣятельною порою его жизни. Здѣсь написалъ онъ нѣсколько главъ «Евгенія Онѣгина» и трагедію «Борисъ Годуновъ».

Съ этого времени въ произведеніяхъ Пушкина уже не замѣтно увлеченія Байрономъ, подъ вліяніемъ котораго задуманы прежнія его поэмы. Напротивъ, Пушкинъ проникся особенною любовью къ Шекспиру, величайшему изъ всѣхъ драматическихъ писателей, и, отчасти въ подражаніе драмамъ Шекспира изъ англійской исторіи, написалъ своего «Бориса Годунова», въ которомъ довольно близко держался разсказа Карамзина; «незабвенной памяти» Карамзина и посвящена эта драма. До сихъ поръ она остается единственнымъ въ своемъ родѣ твореніемъ въ русской литературѣ. Пушкинъ преимущественно на «Борисѣ Годуновѣ» основывалъ свою славу, потому что очень долго и внимательно занимался этимъ произведеніемъ.

Въ сентябрѣ 1826 года Пушкинъ былъ возвращенъ въ Петербургъ, гдѣ съ того времени и жилъ почти постоянно, уѣзжая, впрочемъ, каждый годъ на лѣто и осень въ село Михайловское, гдѣ написалъ бо́льшую часть своихъ слѣдующихъ произведеній. Но въ 1826 году изъ Михайловскаго онъ проѣхалъ прежде въ Москву, гдѣ его встрѣтили съ восторгомъ, и гдѣ онъ прожилъ до весны 1827 года. Семь лѣтъ уже не бывалъ онъ въ свѣтскомъ обществѣ, и отъ долгой разлуки оно получило для

него новую прелесть. Лѣто провелъ онъ въ Петербургѣ, а на осень уединился въ свое Михайловское.

Въ 1828 году написалъ онъ, менѣе, нежели въ мѣсяцъ, поэму «Полтава», существеннымъ содержаніемъ которой, какъ видно уже изъ заглавія, служитъ борьба Петра Великаго съ Карломъ XII. Уже прежде этого времени Пушкинъ съ особенною любовью занимался изученіемъ эпохи Петра Великаго и еще въ предъидущемъ (1827) году началъ большой романъ «Арапъ Петра Великаго», въ которомъ, какъ мы видѣли, главнымъ лицомъ хотѣлъ выставить своего прадѣла Ганнибала. Романъ этотъ остался неоконченнымъ. Позднѣе Пушкинъ написалъ поэму «Мѣдный Всадникъ», посвященную прославленію памяти державнаго основателя Петербурга, и это лучшая изъ его поэмъ. Кромѣ того, въ послѣдніе годы своей жизни онъ почти исключительно занимался собираніемъ матеріаловъ для исторіи Петра Великаго.

Въ 1829 году онъ испросилъ разрѣшеніе сопровождать нашу армію въ побѣдоносномъ походѣ противъ персіянъ и, проѣхавъ черезъ Тифлисъ, присоединился къ войску на берегу Карса-Чая и

видѣлъ взятіе Арзерума. Памятникомъ этой поѣздки осталось «Путешествіе въ Арзерумъ».

Осенью 1830 года Пушкинъ дописалъ «Онѣгина», который былъ начатъ за семь лѣтъ. Романъ этотъ былъ издаваемъ въ свѣтъ отдѣльными главами, и первыя три главы, изданныя въ 1825 году, произвели необыкновенный восторгъ въ публикѣ. Многіе такъ восхищались этимъ романомъ, что выучивали его наизусть. Главное достоинство «Евгенія Онѣгина», кромѣ превосходныхъ стиховъ, состоитъ въ томъ, что онъ чрезвычайно вѣрно изображаетъ нравы русскаго общества. Теперь мы имѣемъ довольно много произведеній, болѣе или менѣе отличающихся этимъ достоинствомъ, хорошая повѣсть изъ русскихъ нравовъ нынѣ уже не рѣдкость; но «Евгеній Онѣгинъ» въ свое время былъ неслыханною и небывалою рѣдкостью. Мы говорили о содержаніи поэмъ, писанныхъ Пушкинымъ до «Онѣгина»: могутъ ли онѣ назваться картинами нашихъ нравовъ? Въ одной изъ нихъ изображаются черкесы и Кавказъ, въ другой — татары и Крымъ, третья — сказка о приключеніяхъ богатырей или витязей. Таковы же были и всѣ почти произведенія русской литературы до появленія «Онѣгина». Они отличались отъ поэмъ Пушкина только тѣмъ, что были напи-

саны не такъ хорошо, но такъ же мало изображали нравы и бытъ русскаго общества, какъ и «Кавказскій Плѣнникъ» или «Бахчисарайскій Фонтанъ». Исключеніе остается очень за немногими — за комедіями фонъ-Визина «Бригадиръ» и «Недоросль» и за комедіею Грибоѣдова «Горе отъ Ума». Но «Горе отъ Ума» тогда еще не было напечатано, а комедіи фонъ-Визина не цѣнились по достоинству, между прочимъ, оттого, что языкъ ихъ считался слишкомъ устарѣвшимъ. Кромѣ того, романъ Пушкина написанъ въ повѣствовательной формѣ, которая гораздо легче для чтенія, нежели драматическая. «Евгеній Онѣгинъ» былъ первымъ романомъ, изображавшимъ — и превосходно изображавшимъ — современное русское общество. Успѣхъ его былъ, можно сказать, безпримѣренъ въ русской литературѣ, а вліяніе и на развитіе литературы и на понятія публики огромно.

Осень этого года провелъ Пушкинъ въ своемъ селѣ Болдинѣ (Нижегородской губерніи), гдѣ написалъ, кромѣ послѣднихъ двухъ главъ «Онѣгина», большую часть своихъ драматическихъ произведеній, именно: «Скупаго Рыцаря», «Каменнаго Гостя», «Пиръ во время чумы» и «Моцартъ и Сальери». Въ Болдинѣ также были написаны повѣсти, изданныя подъ име-

немъ «Повѣстей Бѣлкина» Онѣ были первыми сочиненіями въ прозѣ, которыя напечаталъ Пушкинъ, и уступаютъ въ достоинствѣ другимъ его прозаическимъ произведеніямъ. «Скупой Рыцарь» и «Сцены изъ рыцарскихъ временъ», написанныя превосходно, изображаютъ нравы среднихъ вѣковъ, а «Каменный Гость»—старинные испанскіе нравы. Въ этихъ произведеніяхъ вѣрность всѣхъ подробностей тому вѣку и той странѣ, къ которой относится дѣйствіе, такъ же удивительна, какъ и поэтическое достоинство.

Въ началѣ 1831 года Пушкинъ, находившійся тогда въ Москвѣ, былъ чрезвычайно опечаленъ извѣстіемъ о смерти самаго любимаго изъ его друзей, Дельвига.

18 февраля того же года онъ женился на Н. Н. Гончаровой. Бракъ былъ совершенъ въ Москвѣ, гдѣ жило семейство невѣсты. Онъ прожилъ въ Москвѣ до весны, потомъ повезъ свою супругу въ Петербургъ и поселился на лѣто въ Царскомъ Селѣ.

Съ этого года началъ онъ заниматься собраніемъ матеріаловъ для исторіи Петра Великаго. Ему было разрѣшено пользоваться для того государственными архивами, и онъ дѣятельно работалъ въ нихъ. Смерть прервала обширный трудъ Пушкина, когда

онъ еще только хотѣлъ приступить къ обработкѣ собранныхъ фактовъ.

Въ 1833 году были написаны Пушкинымъ: повѣсти въ прозѣ «Дубровскій» и «Капитанская Дочка», и драматическое произведеніе въ стихахъ «Русалка», оставшееся послѣ его смерти неоконченнымъ. Содержаніе «Русалки» взято изъ сказочнаго міра, какъ содержаніе «Руслана и Людмилы»; но между тѣмъ, какъ «Русланъ и Людмила» только по заглавію относится къ старинной русской жизни, а на самомъ дѣлѣ очень мало проникнута духомъ нашей старины, въ «Русалкѣ» многія сцены превосходно изображаютъ старинную нашу жизнь въ ея истинномъ видѣ.

«Дубровскій» и особенно «Капитанская Дочка» должны назваться лучшими изъ прозаическихъ повѣстей Пушкина. «Дубровскій» изображаетъ бытъ нашихъ помѣщиковъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, а «Капитанская Дочка» — эпоху пугачевскаго бунта, исторіею котораго Пушкинъ занимался въ это время.

Въ 1833 году написана Пушкинымъ одна изъ лучшихъ его поэмъ — «Мѣдный Всадникъ», сюжетомъ которой послужило ужасное наводненіе, бывшее въ Петербургѣ 7 ноября 1824 года, а героемъ

ея Пушкинъ сдѣлалъ Петра Великаго, памятникъ котораго, «Мѣдный Всадникъ», въ его картинѣ наводненія величественно возвышается надъ волнами и усмиряетъ ихъ.

Въ 1836 году Пушкинъ началъ издавать журналъ «Современникъ», который по смерти основателя продолжалъ издаваться его друзьями, въ томъ числѣ Жуковскимъ, княземъ Вяземскимъ и г. Плетневымъ, а впослѣдствіи однимъ г. Плетневымъ, и который, подъ другою редакціею, существуетъ до сихъ поръ.

ГЛАВА VI.

Смерть матери Пушкина. — Тоска овладѣваетъ поэтомъ. — Онъ желаетъ умереть. — Дуэль. — Кончина Пушкина. — Пенсія его семейству. — Памятникъ его. — Характеръ Пушкина. — Его привычки.

Въ 1836 году Пушкинъ былъ огорченъ кончиною матери, Надежды Осиповны. Проводивъ ея тѣло въ Святогорскій Успенскій монастырь (въ Опочковскомъ уѣздѣ Псковской губерніи), онъ, какъ бы предчувствуя близкую смерть, условился съ начальствомъ монастыря, чтобъ и ему была приготовлена могила рядомъ съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ положена была его мать.

Въ самомъ дѣлѣ, онъ не долго пережилъ это время. Въ напечатанныхъ до сихъ поръ біографіяхъ поэта не объяснены удовлетворительно причины,

заставившія его не дорожить, даже тяготиться жизнью. Но вообще можно сказать, что ея последнее время было наполнено разными огорченіями, которыхъ не въ силахъ былъ переносить великій нашъ писатель, одаренный живымъ и нетерпѣливымъ характеромъ. Онъ самъ, кажется, зналъ, что такъ или иначе, но скоро разстанется съ жизнью. Разсказываютъ, между прочимъ, слѣдующій случай, обнаруживающій, что уже за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Пушкинъ тосковалъ и чувствовалъ тяжесть на душѣ. Товарищи Пушкина по Лицею каждый годъ собирались, 19 октября, въ годовщину основанія Лицея, чтобы вспоминать о прошломъ и проводить этотъ день по товарищески. Пушкинъ часто писалъ къ этому собранію стихотворенія. Такъ онъ сдѣлалъ и въ 1836 году, но не успѣлъ совершенно окончить и обдѣлать своего стихотворенія къ 19 октября и въ кругу собравшихся товарищей извинялся, что прочтетъ имъ неконченную пьесу. Помолчавъ немного, онъ вынулъ листъ бумаги и началъ:

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался....

Но голосъ его задрожалъ, и слезы показались на глазахъ при этихъ словахъ. Онъ положилъ бумагу

на столъ, ушелъ въ уголъ комнаты и сидѣлъ тамъ молча. Другой товарищъ прочиталъ его послѣднюю лицейскую годовщину.

Душевныя безпокойства тяготили Пушкина до такой степени, что онъ искалъ смерти и по одному недоразумѣнію, которое можно было устранить, если бы Пушкинъ дорожилъ собою, вышелъ на дуэль съ французскимъ подданнымъ Дантесомъ, жившимъ тогда въ Петербургѣ. Дуэль была 27 января 1837 года. Пуля противника смертельно ранила нашего великаго поэта, и, послѣ ужасныхъ страданій, Пушкинъ скончался 29 января, въ три-четверти третьяго часа пополудни. Послѣдніе часы его жизни подробно описаны Жуковскимъ.

Неожиданная и слишкомъ ранняя смерть Пушкина поразила горестью всѣхъ, кто сколько нибудь любилъ русскую литературу, которая лишилась величайшаго изъ всѣхъ писателей, какіе только являлись въ ней до того времени. Печальная толпа день и ночь наполняла комнату, въ которой стояло тѣло Пушкина; общая печаль соединяла у гроба его людей всѣхъ состояній, всѣхъ званій, всѣхъ степеней образованности.

Согласно желанію покойнаго, тѣло его было, по Высочайшему повелѣнію, отвезено для погребенія въ

Святогорскій Успенскій монастырь, гдѣ приготовилъ онъ себѣ могилу подлѣ матери, и на похороны его было пожаловано Императоромъ 10,000 рублей ассигнаціями.

Святогорскій монастырь находится въ четырехъ верстахъ отъ любимаго Пушкинымъ села Михайловскаго. Надъ могилою его поставленъ памятникъ изъ бѣлаго мрамора, въ видѣ обелиска, на четырехугольномъ пьедесталѣ, сдѣланномъ наподобіе древнихъ гробницъ. На памятникѣ простая надпись: «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ». Площадка могилы, начинающая зарастать деревьями, находится близъ церкви монастыря, по лѣвую сторону олтаря.

По Высочайшему повелѣнію, долгъ Пушкина казнѣ былъ снятъ съ его имѣнія; супругѣ поэта была назначена пенсія въ 5,000 рублей ассигн., и, кромѣ того, дѣтямъ его въ 6,000 рублей. На изданіе сочиненій Пушкина пожаловано 50,000 рублей.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о Пушкинѣ, какъ человѣкѣ. Основными чертами его характера были благородство, мягкость и живость. Благородство было дано ему природою и развито образованностью. Онъ хотѣлъ быть не только чистъ отъ всего, что признавалъ низкимъ или дурнымъ, но держать себя такъ, чтобы никто не имѣлъ права

сказать о немъ что нибудь дурное, по его мнѣнію. Потому каждая клевета глубоко огорчала его, какъ бы ни была глупа и нелѣпа. Даже причиною его смерти надобно считать то, что въ послѣдніе годы недоброжелатели его начали распускать относительно его разныя пошлыя выдумки: щекотливое чувство собственнаго достоинства въ немъ было оскорбляемо, онъ не могъ выносить клеветы съ тѣмъ равнодушіемъ, какого она заслуживаетъ, и жизнь стала для него тяжела. Имѣя привычки лучшаго общества, будучи свѣтскимъ человѣкомъ въ полномъ смыслѣ слова, онъ былъ очень обходителенъ и любезенъ въ обществѣ; но въ то же время, постоянно опасаясь несправедливыхъ толковъ, онъ старался быть осторожнымъ, и иногда это доводило его до нѣкоторой скрытности даже съ короткими знакомыми. Впрочемъ, при живости своего характера, онъ не могъ выдерживать этой роли и, забывая о ней, обнаруживалъ свои истинныя мысли и чувства. Какъ всѣ добрые и вмѣстѣ живые люди, онъ былъ вспыльчивъ; но гнѣвъ скоро уступалъ мѣсто обыкновенной его кротости и мягкости. Все, что̀ встрѣчалось ему въ жизни, чрезвычайно сильно дѣйствовало на его воспріимчивую натуру; даже мелочи, на которыя другой не обратилъ бы вниманія, очень часто

производили на него глубокое впечатлѣніе. О немъ болѣе, нежели о комъ нибудь, можно сказать, что онъ жилъ впечатлѣніями, которыя приносила настоящая минута. Переходы отъ грусти къ веселости, отъ унынія къ беззаботности, отъ отчаянія къ надеждѣ были у него часты и очень быстры. Въ одномъ онъ оставался всегда неизмѣненъ — въ привязанности къ людямъ, которыхъ разъ полюбилъ: трудно найти человѣка, который былъ бы такимъ вѣрнымъ и преданнымъ другомъ, какъ Пушкинъ.

Пушкинъ хотѣлъ быть и былъ свѣтскимъ человѣкомъ; но привычки его всегда были просты. И въ жизни онъ не любилъ изысканности, принужденія, искусственности, какъ не любилъ ихъ въ литературѣ. Онъ не терпѣлъ ни картинъ, ни другихъ украшеній въ своемъ кабинетѣ, и когда, навремя пріѣзжая въ Петербургъ, останавливался въ гостинницѣ, то выбиралъ скромную квартиру. До сихъ поръ еще мы не имѣемъ подробныхъ разсказовъ о томъ, какъ любилъ онъ проводить время по возвращеніи изъ Южной Россіи въ Петербургъ; но что касается жизни его въ Одессѣ и Кишиневѣ и потомъ въ деревнѣ, онъ самъ въ общихъ чертахъ разсказалъ ее въ «Евгеніѣ Онѣгинѣ». Въ Одессѣ и Кишиневѣ онъ искалъ развлеченій въ обществѣ, или

бродилъ по окрестностямъ города, или читалъ лежа въ постели. Въ самомъ дѣлѣ, онъ такъ любилъ рѣзкіе переходы изъ одной крайности въ другую, что ему нравилось только или сильное физическое движеніе, или совершенный покой. Онъ даже писалъ первыя главы «Евгенія Онѣгина» лежа въ постели. Въ деревнѣ онъ вставалъ рано и тотчасъ же отправлялся въ рѣчку купаться; если дѣло было лѣтомъ, а зимою передъ завтракомъ бралъ ванну со льдомъ, потомъ все утро посвящалъ занятіямъ, читалъ или писалъ. Послѣ обѣда, если не было гостей, онъ одинъ игралъ самъ съ собою на бильярдѣ, а вечера проводилъ въ нескончаемыхъ разговорахъ съ своею нянею. Страсть много ходить пѣшкомъ не покидала его и въ столицѣ: такъ, иногда онъ ходилъ пѣшкомъ изъ Петербурга въ Царское Село; а когда онъ въ послѣднее время жилъ на дачѣ на Черной Рѣчкѣ и, занимаясь собираніемъ матеріаловъ для исторіи Петра Великаго, долженъ былъ каждый день посѣщать архивы, то всегда ходилъ съ дачи въ городъ и возвращался на дачу пѣшкомъ.

Вообще Пушкинъ былъ очень крѣпкаго сложенія. Это не мѣшало ему быть мнительнымъ относительно здоровья, и въ молодости онъ воображалъ

себя страждущимъ чахоткою, воображалъ даже, что чувствуетъ признаки аневризма въ сердцѣ.

Онъ не былъ красивъ лицомъ; только черные курчавые волосы и блестящіе, полные огня и ума глаза его были хороши. Но когда его лицо одушевлялось, въ увлеченіи разговора, онъ былъ прекрасенъ.

Заключимъ эту характеристику чертою, относящеюся къ литературѣ. Теперь великій писатель и у насъ, какъ вездѣ, гордится своимъ званіемъ писателя. Не такъ было въ то время, когда явился Пушкинъ, и до конца жизни сохранилась въ немъ привычка молодости — думать, что имя великаго поэта не составляетъ его самаго неоспоримаго права на высокое мѣсто въ обществѣ. Онъ даже не любилъ, чтобы его считали писателемъ, и это было довольно понятно, потому что только послѣ него научилось русское общество высоко уважать поэтовъ. Но онъ любилъ ободрять молодыхъ писателей, въ которыхъ замѣчалъ талантъ. Губеръ, одинъ изъ хорошихъ поэтовъ своего времени, сохранилъ для насъ воспоминаніе о томъ, какое живое участіе принялъ въ немъ Пушкинъ, когда узналъ, что Губеръ, тогда бѣдный и неизвѣстный юноша, переводитъ «Фауста». Гоголь встрѣтилъ въ Пушкинѣ перваго цѣнителя своихъ произведеній, и самымъ благороднымъ об-

разомъ высказался въ дружбѣ къ Гоголю характеръ Пушкина, съ любовью ставшаго совѣтникомъ молодому человѣку, который долженъ былъ по его смерти стать его премникомъ въ господствѣ надъ развитіемъ русской литературы и русскаго общества.

Все, что мы знаемъ о Пушкинѣ, какъ о человѣкѣ, заставляетъ любить его; а великія услуги, оказанныя имъ русской литературѣ, и поэтическія достоинства его произведеній, по справедливому замѣчанію одного изъ литераторовъ, писавшихъ о жизни Пушкина, заставляютъ признаться, что онъ имѣлъ полное право сказать о себѣ и своихъ твореніяхъ:

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный:
Къ нему не заростетъ народная трава;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Наполеонова столба.
Нѣтъ! весь я не умру: душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ,
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ.
. . . .
. . . .
И долго буду я народу тѣмъ любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

НѢСКОЛЬКО МЕЛКИХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ ПУШКИНА И ОТРЫВКИ ИЗЪ ЕГО ПОЭМЪ.

ВОЗРОЖДЕНІЕ.

Художникъ – варваръ кистью сонной
Картину генія чернитъ
И свой рисунокъ беззаконной
Надъ ней безсмысленно чертитъ.
Но краски чуждыя, съ лѣтами,
Спадаютъ ветхой чешуей;
Созданье генія передъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.
Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ чистыхъ дней.

1819 г.

ПРИМѢТЫ.

Старайся наблюдать различныя примѣты.
Пастухъ и земледѣлъ въ младенческія лѣты,
Взглянувъ на небеса, на западную тѣнь,
Умѣютъ ужь предречь и вѣтръ, и ясный день,
И майскіе дожди, младыхъ полей отраду,
И мразовъ раннiй хладъ, опасный винограду.
Такъ, если лебеди, на лонѣ тихихъ водъ
Плескаясь вечеромъ, окличутъ твой приходъ,
И солнце яркое зайдетъ въ печальны тучи,
Знай: завтра сонныхъ дѣвъ разбудитъ дождь ревучій,
Иль бьющій въ окна градъ, а раннiй селянинъ,
Готовясь ужь косить высокій злакъ долинъ,
Услыша бури шумъ, не выйдетъ на работу
И погрузится вновь въ лѣнивую дремоту.

1821 г.

МУЗА.

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
И семиствольную цѣвницу мнѣ вручила;
Она внимала мнѣ съ улыбкой: и слегка
По звонкимъ скважинамъ пустаго тростника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И пѣсни мирныя фригійскихъ пастуховъ.
Съ утра до вечера въ нѣмой тѣни дубовъ
Прилежно я внималъ урокамъ дѣвы тайной,
И, радуя меня наградою случайной,
Откинувъ локоны отъ милаго чела,
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ дыханьемъ
И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.

1821 г.

ПТИЧКА.

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При свѣтломъ праздникѣ весны.
Я сталъ доступенъ утѣшенью;
За что на Бога мнѣ роптать,
Когда хоть одному творенью
Я могъ свободу даровать?

1823 г.

КОВАРНОСТЬ.

Когда твой другъ на гласъ твоихъ рѣчей
Отвѣтствуетъ язвительнымъ молчаньемъ,
Когда свою онъ отъ руки твоей,
Какъ отъ змѣи, отдернетъ съ содраганьемъ,
Какъ, на тебя взоръ острый пригвоздя,
Качаетъ онъ съ презрѣньемъ головою,
Не говори: «онъ боленъ, онъ дитя,
Онъ мучится безумною тоскою»;
Не говори: «неблагодаренъ онъ;
Онъ слабъ и золъ, онъ дружбы недостоинъ,
Вся жизнь его какой-то тяжкій сонъ...»
Ужель ты правъ? Ужели ты спокоенъ?
Ахъ, если такъ, онъ въ прахъ готовъ упасть,
Чтобъ вымолить у друга примиренье.
Но если ты святую дружбы власть
Употреблялъ на злобное гоненье,
Но если ты затѣйливо язвилъ
Пугливое его воображенье
И гордую забаву находилъ
Въ его тоскѣ, рыданьяхъ, униженьи,
Но если самъ презрѣнной клеветы
Ты про него невидимымъ былъ эхомъ,
Но если цѣпь ему накинулъ ты

И соннаго врагу предалъ со смѣхомъ,
И онъ прочелъ въ нѣмой душѣ твоей
Все тайное своимъ печальнымъ взоромъ, —
Тогда ступай, не трать пустыхъ рѣчей —
Ты осужденъ послѣднимъ приговоромъ.

1824 г.

ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ.

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То какъ звѣрь она завоетъ,
То заплачетъ, какъ дитя,
То по кровлѣ обветшалой
Вдругъ соломой зашумитъ,
То, какъ путникъ запоздалой,
Къ намъ въ окошко застучитъ.

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что̀ же ты, моя старушка,
Пріумолкла у окна?
Или бури завываньемъ
Ты, мой другъ, утомлена,
Или дремлешь подъ жужжаньемъ
Своего веретена?

Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ съ горя. Гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй.

Спой мнѣ пѣсню, какъ *синица*
Тихо за моремъ жила;
Спой мнѣ пѣсню, какъ *дѣвица*
За водой по утру шла.

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То какъ звѣрь она завоетъ,
То заплачетъ, какъ дитя.
Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ съ горя. Гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй.

1825 г.

ПРОРОКЪ.

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынѣ мрачной я влачился,
И шестикрылый Серафимъ
На перепутьи мнѣ явился;
Перстами легкими, какъ сонъ,
Моихъ зѣницъ коснулся онъ:
Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содраганье,
И горній Ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный и лукавой,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И угль, пылающій огнемъ,

Во грудь отверстую водвинулъ.
Какъ трупъ, въ пустынѣ я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
«Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей.»

1826 г.

СТАНСЫ.

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни:
Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ нимъ отличенъ Долгорукой.

Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье;
Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Семейнымъ сходствомъ будь же гордъ,
Во всемъ будь Пращуру подобенъ:
Какъ онъ неутомимъ и твердъ,
И памятью, какъ онъ, незлобенъ.

1827 г

УТОПЛЕННИКЪ.

Прибѣжали въ избу дѣти,
Второпяхъ зовутъ отца:
«Тятя! тятя! наши сѣти
Притащили мертвеца!»
— Врите, врите, бѣсенята —
Заворчалъ на нихъ отецъ —
Охъ, ужь эти мнѣ ребята!
Будетъ вамъ ужо мертвецъ!

Судъ наѣдетъ, отвѣчай-ка;
Съ нимъ я ввѣкъ не разберусь.
Дѣлать нечего! Хозяйка,
Дай кафтанъ: ужь поплетусь....
Гдѣ жь мертвецъ? — «Вонъ, тятя, э-вотъ!»
Въ самомъ дѣлѣ, при рѣкѣ,
Гдѣ разостланъ мокрый неводъ,
Мертвый виденъ на пескѣ.

Безобразно трупъ ужасный
Посинѣлъ и весь распухъ.
Горемыка ли несчастный
Погубилъ свой грѣшный духъ,

Рыболовъ ли взятъ волнами,
Али хмѣльный молодецъ,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купецъ, —

Мужику какое дѣло?
Озираясь, онъ спѣшитъ....
Онъ потопленное тѣло
Въ воду за ноги тащитъ
И отъ берега крутаго
Оттолкнулъ его весломъ,
И мертвецъ внизъ поплылъ снова
За могилой и крестомъ.

Долго мертвый межь волнами
Плылъ, качаясь, какъ живой:
Проводивъ его глазами,
Нашъ мужикъ пошелъ домой.
«Вы, щенки, за мной ступайте!
Будетъ вамъ по калачу,
Да смотрите жь, не болтайте,
А нето поколочу.»

Въ ночь погода зашумѣла,
Взволновалася рѣка,
Ужь лучина догорѣла
Въ дымной хатѣ мужика,
Дѣти спятъ, хозяйка дремлетъ,
На палатяхъ мужъ лежитъ,

Буря воетъ; вдругъ онъ внемлетъ:
Кто-то тамъ въ окно стучитъ.

«Кто тамъ?» — Эй, впусти, хозяинъ! —
«Ну, какая тамъ бѣда?
Что̀ ты ночью бродишь, Каинъ!
Чортъ занесъ тебя сюда!
Гдѣ возиться мнѣ съ тобою?
Дома тѣсно и темно.»
И лѣнивою рукою
Подымаетъ онъ окно.

Изъ-за тучъ луна катится....
Что̀ же? Голый передъ нимъ:
Съ бороды вода струится,
Взоръ открытъ и недвижимъ;
Все въ немъ страшно онѣмѣло,
Опустились руки внизъ,
И въ распухнувшее тѣло
Раки черные впились.

И мужикъ окно захлопнулъ,
Гостя голаго узнавъ,
Такъ и обмеръ: «чтобъ ты лопнулъ!»
Прошепталъ онъ, задрожавъ.
Страшно мысли въ немъ мѣшались,
Трясся ночь онъ напролетъ,
И до утра все стучались
Подъ окномъ и у воротъ.

Есть въ народѣ слухъ ужасный:
Говорятъ, что каждый годъ
Съ той поры мужикъ несчастный
Въ день урочный гостя ждетъ;
Ужь съ утра погода злится,
Ночью буря настаетъ,
И утопленникъ стучится
Подъ окномъ и у воротъ.

1828 г.

АНЧАРЪ.

Въ пустынѣ чахлой и скупой,
На почвѣ, зноемъ раскаленной,
Анчаръ, какъ грозный часовой,
Стоитъ, одинъ во всей вселенной.

Природа жаждущихъ степей
Его въ день гнѣва породила
И зелень мертвую вѣтвей
И корни ядомъ напоила.

Ядъ каплетъ сквозь его кору,
Къ полудню растопясь отъ зною,
И застываетъ ввечеру
Густой, прозрачною смолою.

Къ нему и птица не летитъ
И тигръ нейдетъ: лишь вихорь черный
На древо смерти набѣжитъ —
И мчится прочь уже тлетворный.

И если туча оросить,
Блуждая, листъ его дремучій
Съ его вѣтвей ужь ядовитъ
Стекаетъ дождь въ песокъ горючій.

Но человѣка человѣкъ
Послалъ къ Анчару властнымъ взглядомъ:
И тотъ послушно въ путь потекъ
И къ утру возвратился съ ядомъ

Принесъ онъ смертную смолу
Да вѣтвь съ увядшими листами —
И потъ по блѣдному челу
Струился хладными ручьями;

Принесъ — и ослабѣлъ и легъ
Подъ сводомъ шалаша на лыки.
И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки.

А князь тѣмъ ядомъ напиталъ
Свои послушливыя стрѣлы
И съ ними гибель разослалъ
Къ сосѣдямъ въ чуждые предѣлы.

1828 г.

Что въ имени тебѣ моемъ?
Оно умретъ, какъ шумъ печальный
Волны, плеснувшей въ берегъ дальный,
Какъ звукъ ночной въ лѣсу глухомъ.

Оно на памятномъ листкѣ
Оставитъ мертвый слѣдъ, подобной
Узору надписи надгробной
На непонятномъ языкѣ.

Что въ немъ? Забытое давно
Въ волненьяхъ новыхъ и мятежныхъ,
Твоей душѣ не дастъ оно
Воспоминаній чистыхъ, нѣжныхъ;

Но въ день печали, въ тишинѣ,
Произнеси его, тоскуя,
Скажи: есть память обо мнѣ,
Есть въ мірѣ сердце, гдѣ живу я.

1829 г.

ДЕЛИБАШЪ.

Перестрѣлка за холмами;
Смотритъ лагерь ихъ и нашъ;
На холмѣ предъ казаками
Вьется красный Делибашъ.

Делибашъ, не суйся къ *лавѣ!*
Пожалѣй свое житье;
Вмигъ аминь лихой забавѣ:
Попадешься на копье.

Эй, казакъ, не рвися къ бою!
Делибашъ на всемъ скаку
Срѣжетъ саблею кривою
Съ плечъ удалую башку.

Мчатся, сшиблись въ общемъ крикѣ....
Посмотрите: каковы?...
Делибашъ уже на пикѣ,
А казакъ безъ головы.

1829 г.

Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу ли въ многолюдный храмъ,
Сижу ль межь юношей безумныхъ,
Я предаюсь моимъ мечтамъ.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здѣсь ни видно насъ,
Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды
И чей нибудь ужь близокъ часъ.

Гляжу ль на дубъ уединенный,
Я мыслю: патріархъ лѣсовъ
Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.

Младенца ль милаго ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебѣ я мѣсто уступаю:
Мнѣ время тлѣть, тебѣ — цвѣсти.

День каждый, каждую годину
Привыкъ я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Межь нихъ стараясь угадать.

И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина?
Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ?
Или сосѣдняя долина
Мой приметъ охладѣлый прахъ?

И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все бъ хотѣлось почивать.

И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

1829 г.

ПОЭТУ.

Поэтъ, не дорожи любовію народной!
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ;
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной.
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.

Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородной.

Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ;
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?

Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

1830 г.

МАДОННА.

Не множествомъ картинъ старинныхъ мастеровъ
Украсить я всегда желалъ свою обитель,
Чтобъ суевѣрно имъ дивился посѣтитель,
Внимая важному сужденью знатоковъ.

Въ простомъ углу моемъ, средь медленныхъ трудовъ,
Одной картины я желалъ быть вѣчно зритель,
Одной: чтобъ на меня съ холста, какъ съ облаковъ,
Пречистая и нашъ божественный Спаситель —

Она съ величіемъ, Онъ съ разумомъ въ очахъ —
Взирали, кроткіе, во славѣ и въ лучахъ,
Одни, безъ ангеловъ, подъ пальмою Сіона.

Исполнились мои желанія. Творецъ
Тебя мнѣ ниспослалъ, тебя, моя Мадонна,
Чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ.

1830 г.

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ.

Урну съ водой уронивъ, объ утесъ ее дѣва разбила.
Дѣва печально сидитъ, праздный держа черепокъ.
Чудо! Не сякнетъ вода, изливаясь изъ урны разбитой.
Дѣва, надъ вѣчной струей, вѣчно печальна сидитъ.

1830 г.

ПОЛКОВОДЕЦЪ.

У русскаго Царя въ чертогахъ есть палата:
Она не золотомъ, не бархатомъ богата,
Не въ ней алмазъ вѣнца хранится за стекломъ;
Но сверху до низу, во всю длину, кругомъ,
Своею кистію свободной и широкой
Ее разрисовалъ художникъ быстроокій.
Тутъ нѣтъ ни сельскихъ нимфъ, ни дѣвственныхъ
Мадоннъ,
Ни фавновъ съ чашами, ни полногрудыхъ женъ,
Ни плясокъ, ни охотъ, а все плащи, да шпаги,
Да лица, полныя воинственной отваги.
Толпою тѣсною художникъ помѣстилъ
Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ силъ,
Покрытыхъ славою чудеснаго похода
И вѣчной памятью двѣнадцатаго года.
Нерѣдко медленно межь ними я брожу
И на знакомые ихъ образы гляжу,
И, мнится, слышу ихъ воинственные клики.
Изъ нихъ ужь многихъ нѣтъ; другіе, коихъ лики
Еще такъ молоды на яркомъ полотнѣ,
Уже состарѣлись и никнутъ въ тишинѣ
Главою лавровой.

Но въ сей толпѣ суровой
Одинъ меня влечетъ всѣхъ больше. Съ думой новой
Всегда остановлюсь предъ нимъ и не свожу
Съ него моихъ очей. Чѣмъ долѣе гляжу,
Тѣмъ болѣе томимъ я грустію тяжелой.

Онъ писанъ во весь ростъ. Чело, какъ черепъ голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Тамъ грусть великая. Кругомъ — густая мгла;
За нимъ — военный станъ. Спокойный и угрюмый,
Онъ, кажется, глядитъ съ презрительною думой.
Свою ли точно мысль художникъ обнажилъ,
Когда онъ таковымъ его изобразилъ,
Или невольное то было вдохновенье, —
Но Доу далъ ему такое выраженье.

О, вождь несчастливый! Суровъ былъ жребій твой:
Все въ жертву ты принесъ землѣ тебѣ чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
Въ молчаньи шелъ одинъ ты съ мыслію великой, —
И, въ имени твоемъ звукъ чуждый не взлюбя,
Своими криками преслѣдуя тебя,
Народъ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался надъ твоей священной сѣдиною.
И тотъ, чей острый умъ тебя и постигалъ,
Въ угоду имъ тебя лукаво порицалъ....
И долго, укрѣпленъ могущимъ убѣжденьемъ,
Ты былъ неколебимъ предъ общимъ заблужденьемъ,

И на полупути былъ долженъ наконецъ
Безмолвно уступить и лавровый вѣнецъ,
И власть, и замыселъ, обдуманный глубоко,
И въ полковыхъ рядахъ сокрыться одиноко.
Тамъ, устарѣлый вождь, какъ ратникъ молодой,
Свинца веселый свистъ заслышавшій впервой,
Бросался ты въ огонь, ища желанной смерти, —
Вотще!....

. . . .

О, люди! жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха!
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ,
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньи
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье!

1835 г.

ПИРЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Надъ Невою рѣзво вьются
Флаги пестрые судовъ;
Звучно съ лодокъ раздаются
Пѣсни дружныя гребцовъ;
Въ Царскомъ домѣ пиръ веселой;
Рѣчь гостей, хмѣльна шумна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Что пируетъ Царь великій
Въ Питербургѣ-городкѣ?
Отчего пальба и клики
И эскадра на рѣкѣ?
Озаренъ ли честью новой
Русскій штыкъ, иль русскій флагъ?
Побѣжденъ ли шведъ суровой?
Мира ль проситъ грозный врагъ?
Иль въ отъятый край у шведа
Прибылъ брантовъ утлый ботъ,
И пошелъ навстрѣчу *дѣда*
Всей семьей нашъ юный флотъ,
И воинственные внуки
Стали въ строй предъ старикомъ

И раздался въ честь науки
Пѣсенъ хоръ и пушекъ громъ?

Годовщину ли Полтавы
Торжествуетъ Государь,
День, какъ жизнь своей державы
Спасъ отъ Карла русскій Царь?
Родила ль Екатерина?
Именинница ль Она,
Чудотворца-Исполина
Чернобровая Жена?

Нѣтъ! Онъ съ подданнымъ мирится,
Виноватому вину
Отпуская, веселится,
Кружку пѣнитъ съ нимъ одну
И въ чело его цалуетъ,
Свѣтелъ сердцемъ и лицомъ,
И прощенье торжествуетъ,
Какъ побѣду надъ врагомъ.

Оттого-то шумъ и клики
Въ Питербургѣ-городкѣ,
И пальба, и громъ музыки,
И эскадра на рѣкѣ;
Оттого-то въ часъ веселой
Чаша Царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

1835 г.

ПАМЯТНИКЪ.

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворной;
Къ нему не заростетъ народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Наполеонова столпа.

Нѣтъ! весь я не умру: душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ —
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ.

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ дикой
Тунгусъ, и другъ степей калмыкъ.

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ.

Велѣнью Божію, о Муза, будь послушна!
Обиды не страшись, не требуй и вѣнца,
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспоривай глупца.

1836 г.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ

ПОЛТАВА.

Но онъ рѣшилъ: заутра бой.
Глубокій сонъ во станѣ шведа.
Лишь подъ палаткою одной
Ведется шопотомъ бесѣда:
«Нѣтъ, вижу я, нѣтъ, Орликъ мой,
Поторопились мы не кстати:
Разсчетъ и дерзкій и плохой,
И въ немъ не будетъ благодати.
Пропала, видно, цѣль моя.
Что дѣлать! Далъ я промахъ важный:
Ошибся въ этомъ Карлѣ я.
Онъ мальчикъ бойкій и отважный;
Два-три сраженья разъиграть,
Конечно, можетъ онъ съ успѣхомъ,
Къ врагу на ужинъ прискакать,
Отвѣтствовать на бомбу смѣхомъ;
Не хуже русскаго стрѣлка
Прокрасться въ ночь ко вражью стану;
Свалить, какъ нынче, казака
И обмѣнять на рану рану.
Но не ему вести борьбу

Съ самодержавнымъ великаномъ:
Какъ полкъ, вертѣться онъ судьбу
Принудить хочетъ барабаномъ;
Онъ слѣпъ, упрямъ, нетерпѣливъ,
И легкомысленъ, и кичливъ,
Богъ вѣсть какому счастью вѣритъ;
Онъ силы новыя врага
Успѣхомъ прошлымъ только мѣритъ —
Сломить ему свои рога.
Стыжусь: воинственнымъ бродягой
Увлекся я на старость лѣтъ:
Былъ ослѣпленъ его отвагой
И бѣглымъ счастіемъ побѣдъ,
Какъ дѣва робкая.»

ОРЛИКЪ.

Сраженья
Дождемся. Время не ушло
Съ Петромъ опять войти въ сношенья:
Еще поправитъ можно зло.
Разбитый нами, нѣтъ сомнѣнья,
Царь не отвергнетъ примиренья.

МАЗЕПА.

Нѣтъ, поздно. Русскому Царю
Со мной мириться невозможно.
Давно рѣшилась непреложно
Моя судьба. Давно горю
Стѣсненной злобой. Подъ Азовымъ

Однажды я съ Царемъ суровымъ
Во ставкѣ ночью пировалъ:
Полны виномъ кипѣли чаши,
Кипѣли съ ними рѣчи наши.
Я слово смѣлое сказалъ —
Смутились гости молодые,
Царь, вспыхнувъ, чашу уронилъ
И за усы мои сѣдые
Меня съ угрозой ухватилъ.
Тогда, смирясь въ безсильномъ гнѣвѣ,
Отмстить себѣ я клятву далъ;
Носилъ ее, какъ мать во чревѣ
Младенца носитъ. Срокъ насталъ.
Такъ, обо мнѣ воспоминанье
Хранить онъ будетъ до конца.
Петру я посланъ въ наказанье;
Я тернъ въ листахъ его вѣнца.
Онъ далъ бы грады родовые
И жизни лучшіе часы,
Чтобъ снова, какъ во дни былые,
Держать Мазепу за усы.
Но есть еще для насъ надежды:
Кому бѣжать, рѣшитъ заря.

Умолкъ и закрываетъ вѣжды
Измѣнникъ русскаго Царя.
Горитъ востокъ зарею новой.
Ужь на равнинѣ, по холмамъ
Грохочутъ пушки. Дымъ багровой

Кругами всходитъ къ небесамъ
Навстрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули.
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки.
Катятся ядра, свищутъ пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огнь окоповъ рвутся шведы;
Волнуясь, конница летитъ;
Пѣхота движется за нею
И тяжкой твердостью своею
Ея стремленія крѣпитъ.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ.
Но явно счастье боевое
Служить ужь начинаетъ намъ.
Пальбой отбитыя дружины,
Мѣшаясь, падаютъ во прахъ,
Уходитъ Розенъ сквозь тѣснины;
Сдается пылкій Шлипенбахъ.
Тѣснимъ мы Шведовъ рать за ратью;
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.
Тогда-то, свыше вдохновенный,
Раздался звучный гласъ Петра:
«За дѣло, съ Богомъ!» Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,

Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ,
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь, какъ Божія гроза.
Идетъ. Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ
И мчится въ прахѣ боевомъ,
Гордясь могущимъ сѣдокомъ.
Ужь близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки.
Ровняясь строятся полки.
Молчитъ музыка боевая.
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ.
И се—равнину оглашая,
Далече грянуло *ура*!
Полки увидѣли Петра.
И онъ промчался предъ полками,
Могущъ и радостенъ, какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ вослѣдъ неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова —
Въ премѣнахъ жребія земнова,
Въ трудахъ державства и войны
Его товарищи, сыны:

И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпнинъ,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ.
И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился.
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился.
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье....
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На русскихъ двинулъ онъ полки.

И съ ними царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины:
И грянулъ бой, полтавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся съ-плеча.

Бросая груды тѣлъ на груду,
Шары чугунные повсюду
Межь ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, русскій колетъ, рубитъ, рѣжетъ.
Бой барабанный, клики, скрежетъ,
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть и адъ со всѣхъ сторонъ.

Среди тревоги и волненья,
На битву взоромъ вдохновенья
Вожди спокойные глядятъ,
Движенья ратныя слѣдятъ,
Предвидятъ гибель и побѣду
И въ тишинѣ ведутъ бесѣду.
Но близъ московскаго Царя
Кто воинъ сей подъ сѣдинами?
Двумя поддержанъ казаками,
Сердечной ревностью горя,
Онъ окомъ опытнымъ героя
Взираетъ на волненье боя.
Ужь на коня не вскочитъ онъ,
Одряхъ, въ изгнаньи сиротѣя,
И казаки на кличъ Палѣя
Не налетятъ со всѣхъ сторонъ!
Но что жь его сверкнули очи,
И гнѣвомъ, будто мглою ночи,
Покрылось старое чело?

Что возмутить его могло?
Иль онъ сквозь бранный дымъ увидѣлъ
Врага Мазепу, и въ сей мигъ
Свои лѣта возненавидѣлъ
Обезоруженный старикъ?
Мазепа, въ думу погруженный,
Взиралъ на битву, окруженный
Толпой мятежныхъ казаковъ,
Родныхъ, старшинъ и сердюковъ.
Вдругъ выстрѣлъ. Старецъ обратился.
У Войнаровскаго въ рукахъ
Мушкетный стволъ еще дымился.
Сраженный въ нѣсколькихъ шагахъ,
Младой казакъ въ крови валялся,
А конь, весь въ пѣнѣ и въ пыли,
Почуя волю, дико мчался,
Скрываясь въ огненной дали.
Казакъ на гетмана стремился
Сквозь битву, съ саблею въ рукахъ,
Съ безумной яростью въ очахъ.
Старикъ, подъѣхавъ, обратился
Къ нему съ вопросомъ. Но казакъ
Ужь умиралъ. Потухшій зракъ
Еще грозилъ врагу Россіи,
Былъ мраченъ помертвѣлый ликъ,

. . . .

. . . .

Но близокъ, близокъ мигъ побѣды.

Ура! мы ломимъ; гнутся шведы.
О, славный часъ! о, славный видъ!
Еще напоръ — и врагъ бѣжитъ;
И слѣдомъ конница пустилась,
Убійствомъ тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась
Какъ роемъ черной саранчи.

МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ.

(Отрывокъ.)

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ Онъ, думъ великихъ полнъ,
И вдаль глядѣлъ. Предъ Нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный чолнъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ, топкимъ берегамъ,
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Пріютъ убогаго чухонца,
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ.
И думалъ Онъ:
«Отсель грозить мы будемъ шведу;
Здѣсь будетъ городъ заложенъ,
На зло надменному сосѣду;
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при морѣ;
Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ —
И запируемъ на просторѣ.»

Прошло сто лѣтъ — и юный градъ,
Полночныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознесся пышно, горделиво;
Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальный пасынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій неводъ, нынѣ тамъ,
По оживленнымъ берегамъ,
Громады стройныя тѣснятся
Дворцовъ и башенъ; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся;
Въ гранитъ одѣлася Нева;
Мосты повисли надъ водами;
Темно-зелеными садами
Ея покрылись острова —
И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфироносная вдова.

Люблю тебя, Петра творенье;
Люблю твой строгій, стройный видъ,
Невы державное теченье,
Береговой ея гранитъ,
Твоихъ оградъ узоръ чугунный,
Твоихъ задумчивыхъ ночей

Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный,
Когда я въ комнатѣ моей
Пишу, читаю безъ лампады,
И ясны спящія громады
Пустынныхъ улицъ, и свѣтла
Адмиралтейская игла,
И, не пуская тьму ночную
На золотыя небеса,
Одна заря смѣнить другую
Спѣшитъ, давъ ночи полчаса;
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздухъ и морозъ,
Бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой,
Дѣвичьи лица ярче розъ,
И блескъ, и шумъ, и говоръ баловъ.
Люблю воинственную живость
Потѣшныхъ Марсовыхъ полей,
Пѣхотныхъ ратей и коней
Однообразную красивость,
Въ ихъ стройно-зыблемомъ строю
Лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ,
Сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ,
Насквозь простреленныхъ въ бою;
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дымъ и громъ,
Когда Полнощная Царица
Даруетъ сына въ Царскій домъ,
Или побѣду надъ врагомъ
Россія снова торжествуетъ,

Или, взломавъ свой синій ледъ,
Нева къ морямъ его несетъ
И, чуя вешни дни, ликуетъ.

Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія!
Да умирится же съ тобой
И побѣжденная стихія:
Вражду и плѣнъ старинный свой
Пусть волны финскія забудутъ
И тщетной злобою не будутъ
Тревожить вѣчный сонъ Петра!

ИЗЪ БОРИСА ГОДУНОВА.

Ночь. Келья въ Чудовомъ монастырѣ.

(1603 года.)

ОТЕЦЪ ПИМЕНЪ, ГРИГОРІЙ спящій.

ПИМЕНЪ (*пишетъ передъ лампадой*).

Еще одно, послѣднее сказанье —
И лѣтопись окончена моя.
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ грѣшному. Недаромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ:
Когда нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безъимянный;
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду
И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ,
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ Царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро,
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ.

На старости я сызнова живу;
Минувшее проходитъ предо мною...
Давно ль оно неслось событій полно,
Волнуяся, какъ море-окіанъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Немного словъ доходитъ до меня,
А прочее погибло невозвратно!
Но близокъ день, лампада догораетъ —
Еще одно, послѣднее сказанье (*Пишетъ.*)

ГРИГОРІЙ (*пробуждается*).

Все тотъ же сонъ! Возможно ль? въ третій разъ!
Проклятый сонъ!... А все передъ лампадой
Старикъ сидитъ да пишетъ, и дремотой
Знать во всю ночь онъ не смыкалъ очей.
Какъ я люблю его спокойный видъ,
Когда, душой въ минувшемъ погруженный,
Онъ лѣтопись свою ведетъ; и часто
Я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ:
О темномъ ли владычествѣ татаръ?
О казняхъ ли свирѣпыхъ Іоанна?
О бурномъ ли Новогородскомъ Вѣчѣ?
О славѣ ли отечества? Напрасно:
Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ;
Все тотъ же видъ смиренный, величавый...
Такъ точно дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый,
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,

Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

ПИМЕНЪ.

Проснулся, братъ!

ГРИГОРІЙ.

Благослови меня,
Честный отецъ!

ПИМЕНЪ.

Благослови Господь
Тебя и днесь, и присно, и во вѣки.

ГРИГОРІЙ.

Ты все писалъ и сномъ не позабылся;
А мой покой бѣсовское мечтанье
Тревожило, и врагъ меня мутилъ:
Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
Меня вела на башню: съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
Внизу народъ на площади кипѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ.
И стыдно мнѣ, и страшно становилось,
И, падая стремглавъ, я пробуждался...
И три раза мнѣ снился тотъ же сонъ.
Не чудно ли?

ПИМЕНЪ.

Младая кровь играетъ.
Смиряй себя молитвой и постомъ,

И сны твои видѣній легкихъ будутъ
Исполнены. Донынѣ — если я,
Невольною дремотой обезсиленъ,
Не сотворю молитвы долгой къ ночи —
Мой старый сонъ не тихъ и не безгрѣшенъ:
Мнѣ чудятся то шумные пиры,
То ратный станъ, то схватки боевыя,
Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ!

ГРИГОРІЙ.

Какъ весело провелъ свою ты младость!
Ты воевалъ подъ башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
Ты видѣлъ Дворъ и роскошь Іоанна!
Счастливъ! А я отъ отроческихъ лѣтъ
По келіямъ скитаюсь, бѣдный инокъ!
Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
Не пировать за Царскою трапезой?
Успѣлъ бы я, какъ ты, на старость лѣтъ
Отъ суеты, отъ міра отложиться,
Произнести монашества обѣтъ
И въ тихую обитель затвориться.

ПИМЕНЪ.

Не сѣтуй, братъ, что рано грѣшный свѣтъ
Покинулъ ты, что мало искушеній
Послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ:
Насъ издали плѣняютъ слава, роскошь
И женская лукавая любовь.

Я долго жилъ и многимъ насладился,
Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
Какъ въ монастырь Господь меня привелъ.
Подумай, сынъ, ты о Царяхъ великихъ:
Кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смѣетъ
Противу ихъ? Никто. А что же? Часто
Златой вѣнецъ тяжелъ имъ становился:
Они его мѣняли на клобукъ.
Царь Іоаннъ искалъ успокоенья
Въ подобіи монашескихъ трудовъ;
Его дворецъ, любимцевъ гордыхъ полный,
Монастыря видъ новый принималъ:
Кромѣшники въ тафьяхъ и власяницахъ
Послушными являлись чернецами,
А грозный Царь игумномъ богомольнымъ.
Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой кельѣ
(Въ ней жилъ тогда Кириллъ многострадальный,
Мужъ праведный; тогда ужь и меня
Сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
Мірскихъ суетъ), здѣсь видѣлъ я Царя,
Усталаго отъ гнѣвныхъ думъ и казней.
Задумчивъ, тихъ сидѣлъ межь нами Грозный;
Мы передъ нимъ недвижимо стояли,
И тихо онъ бесѣду съ нами велъ.
Онъ говорилъ игумну и всей братьѣ:
«Отцы мои! желанный день придетъ:
«Предстану здѣсь алкающій спасенья.
«Ты, Никодимъ, ты, Сергій, ты, Кириллъ,
«*Вы всѣ обѣтъ* примите мой духовный:

«Пріиду къ вамъ, преступникъ окаянный,
«И схиму здѣсь честную восприму,
«Къ стопамъ твоимъ, святый отецъ, припадши.»
Такъ говорилъ державный Государь,
И сладко рѣчь изъ устъ его лилася,
И плакалъ онъ. А мы въ слезахъ молились,
Да ниспошлетъ Господь любовь и миръ
Его душѣ, страдающей и бурной.
А сынъ его Ѳеодоръ? На престолѣ
Онъ воздыхалъ о мирномъ житіи
Молчальника. Онъ Царскіе чертоги
Преобратилъ въ молитвенную келью:
Тамъ тяжкія, державныя печали
Святой души его не возмущали.
Богъ возлюбилъ смиреніе Царя,
И Русь при немъ во славѣ безмятежной
Утѣшилась, — а въ часъ его кончины
Свершилося неслыханное чудо:
Къ его одру, Царю едину зримый,
Явился мужъ необычайно свѣтелъ,
И началъ съ нимъ бесѣдовать Ѳеодоръ
И называть великимъ патріархомъ...
И всѣ кругомъ объяты были страхомъ,
Уразумѣвъ небесное видѣнье,
Зане святый владыка передъ Царемъ
Во храминѣ тогда не находился.
Когда же онъ преставился, палаты
Исполнились святымъ благоуханьемъ,
И ликъ его, какъ солнце, просіялъ.

Ужь не видать такого намъ Царя.
О, страшное, невиданное горе!
Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили:
Владыкою себѣ цареубійцу
Мы нарекли.

ГРИГОРІЙ.

Давно, честный отецъ,
Хотѣлось мнѣ тебя спросить о смерти
Димитрія-Царевича: въ то время
Ты, говорятъ, былъ въ Угличѣ.

ПИМЕНЪ.

Охъ, помню!
Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ
На нѣкое былъ усланъ послушанье.
Пришелъ я въ ночь. Наутро, въ часъ обѣдни,
Вдругъ слышу звонъ; ударили въ набатъ;
Крикъ, шумъ. Бѣгутъ на дворъ Царицы. Я
Спѣшу туда жь, а тамъ уже весь городъ.
Гляжу: лежитъ зарѣзанный Царевичъ;
Царица-мать въ безпамятствѣ надъ нимъ.
Кормилица въ отчаяньи рыдаетъ,
А тутъ народъ, остервенясь, волочитъ
Безбожную предательницу мамку...
Вдругъ между нихъ, свирѣпъ, отъ злости блѣденъ,
Является Іуда-Битяговскій.
«Вотъ, вотъ злодѣй!» раздался общій вопль,

И вмигъ его нестало. Тутъ народъ
Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ;
Укрывшихся злодѣевъ захватили
И привели предъ теплый трупъ младенца,
И чудо — вдругъ мертвецъ затрепеталъ.
«Покайтеся!» народъ имъ завопилъ:
И въ ужасѣ подъ топоромъ злодѣи
Покаялись — и назвали Бориса.

ГРИГОРІЙ.

Какихъ былъ лѣтъ Царевичъ убіенный?

ПИМЕНЪ.

Да лѣтъ семи; ему бы нынѣ было
(Тому прошло ужь десять лѣтъ... нѣтъ, больше:
Двѣнадцать лѣтъ) — онъ былъ бы твой ровесникъ
И царствовалъ; но Богъ судилъ иное.
Сей повѣстью плачевной заключу
Я лѣтопись свою; съ тѣхъ поръ я мало
Вникалъ въ дѣла мірскія. Братъ Григорій!
Ты грамотой свой разумъ просвѣтилъ —
Тебѣ свой трудъ передаю. Въ часы,
Свободные отъ подвиговъ духовныхъ,
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь:
Войну и миръ, управу Государей,
Угодниковъ святыя чудеса,
Пророчества и знаменья небесны.
А мнѣ пора, пора ужь отдохнуть

И погасить лампаду... Но звонятъ
Къ заутренѣ... Благослови, Господь,
Своихъ рабовъ!... Подай костыль, Григорій!
(*Уходитъ.*)

ГРИГОРІЙ.

Борисъ, Борисъ! все предъ тобой трепещетъ,
Никто тебѣ не смѣетъ и напомнить
О жребіи несчастнаго младенца;
А, между тѣмъ, отшельникъ въ темной кельѣ
Здѣсь на тебя доносъ ужасный пишетъ:
И не уйдешь ты отъ суда мірскаго,
Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда,

ИЗЪ ЕВГЕНІЯ ОНѢГИНА.

XXXV.

Какъ стихъ безъ мысли въ пѣснѣ модной,
Дорога зимняя гладка.
Автомедоны наши бойки,
Неутомимы наши тройки,
И версты, тѣша праздный взоръ,
Въ глазахъ мелькаютъ какъ заборъ.
Къ несчастью, Ларина тащилась,
Боясь прогоновъ дорогихъ,
Не на почтовыхъ, на своихъ,
И наша дѣва насладилась
Дорожной скукою вполнѣ:
Семь сутокъ ѣхали онѣ.

XXXVI.

Но вотъ ужь близко. Передъ ними
Ужь бѣлокаменной Москвы,
Какъ жаръ, крестами золотыми,
Горятъ старинныя главы.
Ахъ, братцы! какъ я былъ доволенъ,
Когда церквей и колоколенъ,
Садовъ, чертоговъ полукругъ
Открылся передо мною вдругъ!

Какъ часто въ горестной разлукѣ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ!
Москва... какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось!

XXXVII.

Вотъ, окруженъ своей дубравой,
Петровскій зàмокъ. Мрачно онъ
Недавнею гордится славой.
Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Послѣднимъ счастьемъ упоенной,
Москвы колѣнопреклоненной
Съ ключами стараго Кремля:
Нѣтъ! не пошла Москва моя
Къ нему съ повинной головою.
Не праздникъ, не пріемный даръ, —
Она готовила пожаръ
Нетерпѣливому герою!
Отселѣ, въ думу погруженъ,
Глядѣлъ на грозный пламень онъ.

XXXVIII.

Прощай, свидѣтель нашей славы,
Петровскій зàмокъ! Ну! не стой,
Пошелъ! Уже столпы заставы
Бѣлѣютъ; вотъ ужь по Тверской
Возокъ несется чрезъ ухабы.

Мелькаютъ мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротахъ
И стаи галокъ на крестахъ.

XXXIX. XL.

Въ сей утомительной прогулкѣ
Проходитъ часъ — другой, и вотъ
У Харитонья въ переулкѣ
Возокъ передъ домомъ у воротъ
Остановился...

XXX.

«Теперь сходитесь.»
Хладнокровно,
Еще не цѣля, два врага
Походкой твердой, тихо, ровно
Четыре перешли шага,
Четыре смертныя ступени.
Свой пистолетъ тогда Евгеній,
Не преставая наступать,
Сталъ первый тихо подымать.

Вотъ пять шаговъ еще ступили,
И Ленскій, жмуря лѣвый глазъ,
Сталъ также цѣлить, — но какъ разъ
Онѣгинъ выстрѣлилъ... Пробили
Часы урочные: поэтъ
Роняетъ молча пистолетъ,

XXXI.

На грудь кладетъ тихонько руку
И падаетъ. Туманный взоръ
Изображаетъ смерть, не муку:
Такъ медленно по скату горъ,
На солнцѣ искрами блистая,
Спадаетъ глыба снѣговая.
Могильнымъ холодомъ облитъ,
Онѣгинъ къ юношѣ спѣшитъ,
Глядитъ, зоветъ его... напрасно:
Его ужь нѣтъ. Младой пѣвецъ
Нашелъ безвременный конецъ!
Дохнула буря, цвѣтъ прекрасный
Увялъ на утренней зарѣ!
Потухъ огонь на алтарѣ!

XXXII.

Недвижимъ онъ лежалъ, и страненъ
Былъ томный миръ его чела.
Подъ грудь онъ былъ навылетъ раненъ;
Дымясь, изъ раны кровь текла.
Тому назадъ одно мгновенье,

Въ семъ сердцѣ билось вдохновенье
Вражда, надежда и любовь,
Играла жизнь, кипѣла кровь:
Теперь, какъ въ домѣ опустѣломъ,
Все въ немъ и тихо и темно;
Замолкло навсегда оно.
Закрыты ставни; окна мѣломъ
Забѣлены. Хозяйки нѣтъ,
А гдѣ, Богъ вѣсть: пропалъ и слѣдъ.

XXXVI.

Друзья мои, вамъ жаль поэта:
Во цвѣтѣ радостныхъ надеждъ,
Ихъ не свершивъ еще для свѣта,
Чуть изъ младенческихъ одеждъ,
Увялъ! Гдѣ жаркое волненье,
Гдѣ благородное стремленье
И чувствъ и мыслей молодыхъ,
Высокихъ, нѣжныхъ, удалыхъ?
Гдѣ бурныя любви желанья,
И жажда знаній и труда,
И страхъ порока и стыда,
И вы, завѣтныя мечтанья,
Вы, призракъ жизни неземной,
Вы, сны поэзіи святой!

XXXVII.

Быть можетъ, онъ для блага міра
Иль хоть для славы былъ рожденъ;
Его умолкнувшая лира
Гремучій, непрерывный звонъ
Въ вѣкахъ поднять могла. Поэта,
Быть можетъ, на ступеняхъ свѣта
Ждала высокая ступень.
Его страдальческая тѣнь,
Быть можетъ, унесла съ собою
Святую тайну, и для насъ
Погибъ животворящій гласъ....

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Значеніе словъ «великій поэтъ».—Кто имѣетъ право быть названъ образованнымъ человѣкомъ.—Общее значеніе литературы въ дѣлѣ образованія и изящной въ особенности.—Мѣсто, занимаемое Пушкинымъ въ нашей изящной литературѣ 1

ГЛАВА II.

Рожденіе А. С. Пушкина. — Его фамильная гордость. —Родъ Пушкиныхъ и Ганнибаловыхъ.—Историческая дѣятельность тѣхъ и другихъ.—Сергѣй Львовичъ, отецъ поэта.—Василій Львовичъ, дядя поэта. —Бесѣда Любителей Русскаго Слова и Арзамасъ.— Комическое посвященіе Василья Львовича въ арзамасцы. — Марья Алексѣевна Ганнибалъ, бабушка поэта.—Ольга Сергѣевна, сестра Пушкина, и посланіе къ ней четырнадцатилѣтняго поэта.—Арина Родіоновна, няня А. С. Пушкина.—Ея вліяніе на питомца 16

Стр.

ГЛАВА III.

Дѣтство до семи лѣтъ и лѣнь, которою въ эти годы отличался геніальный ребенокъ.—Учителя и гувернёры Пушкина.—Шиллеръ, учившій Пушкина русскому языку. — Степень успѣховъ Пушкина въ наукахъ.—Страсть къ чтенію.—Дѣтскія произведенія. —Лицей. —Лицейскіе журналы. — Дельвигъ. — Державинъ, и торжественный актъ 1815 года . . 35

ГЛАВА IV.

Пушкинъ въ свѣтскомъ обществѣ.—Первая его поэма: «Русланъ и Людмила». — Пушкинъ въ Бессарабіи, въ Одессѣ, на Кавказѣ, въ Крыму. — Поэмы его: «Кавказскій Плѣнникъ», «Бахчисарайскій Фонтанъ», «Цыганы» и «Братья Разбойники» 51

ГЛАВА V.

Возвращеніе Пушкина въ село Михайловское, потомъ въ Москву и Петербургъ.—Трагедія «Борисъ Годуновъ». —Поэма «Полтава».—Романъ въ стихахъ «Евгеній Онѣгинъ».—Путешествіе въ Арзерумъ.—Драматическія произведенія. — Женитьба Пушкина.—Онъ поселяется въ Петербургѣ.—Повѣсти въ прозѣ: «Дубровскій» и «Капитанская Дочка.—Поэма «Мѣдный Всадникъ» 56

ГЛАВА VI.

Смерть матери Пушкина.—Тоска овладѣваетъ поэтомъ. — Онъ желаетъ умереть.—Дуэль.—Кончина Пушкина.—Пенсія его семейству.—Памятникъ его. — Характеръ Пушкина. — Его привычки 64

Стр.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Нѣсколько мелкихъ стихотвореній Пушкина и отрывки изъ другихъ его поэмъ.

Возрожденіе 75
Примѣты 76
Муза 77
Птичка 78
Коварность 79
Зимній вечеръ 81
Пророкъ. 83
Стансы 85
Утопленникъ 86
Анчаръ 90
«Что въ имени тебѣ моемъ» 92
Делибашъ 93
«Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ» 94
Поэту. 96
Мадонна. 97
Царскосельская статуя. 98
Полководецъ 99
Пиръ Петра Великаго 102
Памятникъ 104
Отрывокъ изъ поэмы «Полтава» 105
Мѣдный Всадникъ. Отрывокъ 114
Изъ «Бориса Годунова» 118
Изъ «Евгенія Онѣгина» 127